

Василий
ЛЕСНИКОВ

ПИЛОТИРУЕМЫЙ
КОСМИЧЕСКИЙ
ПОЛЕТ
(в вопросах и ответах)

Василий Сергеевич Лесников

Пилотируемый космический полет

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4575491
Пилотируемый космический полет: Авторское; 2012*

Аннотация

Книга написана на основе вопросов, наиболее часто задаваемых автору читателями на публичных встречах и при индивидуальных беседах по теме «Пилотируемые космические полеты».

Читателей интересовало: «Почему погиб Юрий Гагарин, а его дочери приватизировали его имя как товарный знак?», «Почему наши женщины не летают в космос так же часто, как американки?», «Правда ли, что Терешкова и Николаев поженились по приказу Хрущева?», «В чем разница в подготовке к полету астронавтов и космонавтов?». Всего 25 вопросов и ответов в популярном изложении.

При этом, ответы, предлагаемые автором, дают возможность читателям продолжить поиск и изучение других вариантов ответов, так как автор не претендует на исчерпывающую и окончательную точку зрения.

Более того. Автор готов рассмотреть новые вопросы читателей и ответить на них.

Содержание

Вступление	4
1. Правда ли, что Терешкова и Николаев поженились по приказу Хрущева? Не в этом ли причина их развода?	5
2. Почему среди космонавтов практически нет летчиков-испытателей?	8
3. Вы считаете профессию космонавта опаснее других земных профессий? И как это согласуется с принципом ответственности?	12
4. Почему наши женщины не летают в космос так же часто, как американки?	15
5. Какова роль военных в пилотируемых космических полетах?	18
6. Расскажите о семьях космонавтов	21
7. Как развивался, и что такое сейчас Звездный городок? Доступ в Звездный городок сейчас свободный, и, если нет, то с чем это связано?	27
8. Престижно ли работать в Центре подготовки космонавтов? Как вообще люди попадают туда работать?	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Сергеевич Лесников ПИЛОТИРУЕМЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ (В вопросах и ответах)

Вступление

Мне повезло. Более 20-ти лет я прослужил в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина. Подполковник. Военный инженер. Все это время я старался по возможности анализировать события вокруг меня, пытался понять людей, с которыми приходилось встречаться и работать.

Результаты моих размышлений и наблюдений нашли отражение в моих книгах и статьях. Однако, во время многочисленных встреч с читателями, которые интересовались вопросами пилотируемых космических полетов, я понял, что еще остались вопросы, которые требуют дополнительного освещения данной темы.

Я попробовал отобрать основные вопросы, их тех которые мне задавали, и попытался дать на них более подробные ответы.

Я не даю исчерпывающих и всеобъемлющих ответов. По большей части мои ответы это информация, которая стимулирует к дальнейшему анализу и познанию предмета разговора. Возможно, позволяет увидеть рассматриваемый вопрос с какой то новой точки зрения. Каждый копает настолько глубоко, насколько это ему интересно. Иногда даже, ранее незнакомая человеку тема, становится увлечением и работой на всю жизнь.

Хочу также предупредить, что во многом это мое личное мнение, мое видение излагаемой проблемы на основе тех материалов, которые были в моем распоряжении. Кто не согласен, пишите, сообщайте свою точку зрения. Буду только рад.

И еще. Я попытался ответить только на некоторые вопросы. Но их гораздо больше. Важно понять какие из них могут быть наиболее интересны читателям. И здесь важны не только отклики на прочитанное, но и новые вопросы. Моя работа не закончена.

Итак...

1. Правда ли, что Терешкова и Николаев поженились по приказу Хрущева? Не в этом ли причина их развода?

Как ни странно, но без этого вопроса не обходится ни одна встреча со слушателями, которых интересует тема пилотируемых космических полетов. Если коротко, то мой ответ: «Нет».

Во время службы в Центре подготовки космонавтов мне довелось просмотреть почти всю фильмотеку периода 1962 и 1963 годов, так как я был членом многих комиссий по проверкам, списанию материальных ценностей и так далее.

По этим материалам можно проследить весь процесс знакомства и развития отношений между Николаевым и Терешковой. Я не могу вспомнить таких кадров с Терешковой, где бы рядом не было Николаева.

Он возле нее, когда девушек впервые знакомят с космической техникой. Она в корабле, а он на обресе люка объясняет, помогает. Она занимается спорт, а он неподалеку (спасибо оператору, так как снимает все) ждет, когда она освободиться. Космонавты на прогулке, и Николаев рядом с Валецкой, будто нечаянно все время старается дотронуться до ее руки. Он ее завоевывал осторожно и настойчиво, что бы там ни говорили. А она и не возражала.

Не берусь судить о глубине их взаимных чувств, но друг к другу в этот период они были не безразличны.

В обычных условиях они могли стать, а могли и не стать семьей. Но одобрение Н. С. Хрущева скорее было ободряющим стимулом для самих влюбленных при решении вступить в законный брак.

Они прожили вместе 19 лет, вырастили дочь, выдали ее замуж и разошлись. Тихо и спокойно. Она вышла замуж. Он тоже не остался один.

Так бывает в жизни. Так получилось и у них.

Если же говорить о причине их развода, то тут можно только предполагать, так как сами они на эту тему не распространялись.

Скорее всего и причины обычные – не сошлись характером в процессе совместной жизни.

Попробуем разобраться. Во многом предположительно.

Андрей Николаев. Молодой, здоровый, крепкий деревенский парень. Спокойный, деловой, человек добрейшей души и без претензий на особо светлое будущее. Он никогда не рвался в большие начальники. Шел по жизни спокойно и неторопливо – «как учили».

Сказали надо учиться. Он окончил школу, техникум. Стал лесоводом.

Призвали в армию, и определили в стрелки-радиоты. Не против.

Предложили продолжить службу в армии и окончить летное училище. Даже интересно. Тем более, что здоровье позволяет.

Сказали, что по состоянию здоровья годишься в космонавты. Так кто ж будет против? Тем более, что говорят, что так надо для Родины, для страны.

Именно непоколебимая уверенность и спокойствие при выполнении любой порученной ему работы позволили ему стать космонавтом номер три в СССР.

Он и самолет с заглохшим двигателем посадил спокойно, и не суетясь – «как учили соблюдать главное – спокойствие».

Если Герман Титов плохо перенес свой суточный полет, то самочувствие Николаева после четырех суток нахождения в космосе мало чем отличалось от стартового состояния.

Он был спокоен и к вопросам карьерного роста. После полета стал инструктором-космонавтом. Через 2 года предложили должность командира отряда космонавтов. Возражать не стал.

После гибели Юрия Гагарина Николаева назначили заместителем Начальника Центра подготовки космонавтов. Так замом и отслужил почти 25 лет до ухода на пенсию. Стал генералом.

И все это время он оставался все те же простым деревенским парнем, который вроде все знает, всех понимает, но предпочитает помалкивать.

Может быть, именно эта неопределенная загадочность в купе с молодостью и привлекли к нему Валентину Терешкову в пору их знакомства.

Ситуация довольно сильно изменилась после второго космического полета Николаева с Виталием Севастьяновым.

Задачей их автономного полета на космическом корабле «Союз» было определение степени выживаемости человеческого организма в длительном полете в условиях невесомости.

Они отлетали 17 суток, и экипаж вернули на землю. 17 суток в «двухкомнатной квартире» объемом 10 кубометров. Жилая площадь естественно не более 7–8 квадратных метров. Причем в возвращаемом аппарате располагались кресла, в которых можно было только лежать.

Все остальное время в бытовом отсеке на четырех квадратных метрах. Даже отходы жизнедеятельности никуда нельзя было выбросить. Не было в то время такой возможности. Только складировать.

Во время всего полета Севастьянов, даже в условиях ограниченного пространства сравнимого с железнодорожным купе, старался двигаться, делал различные упражнения. В результате, после возвращения из полета, он смог продолжить подготовку и снова побывал в космосе.

Николаев же счел «беготню» Севастьянова излишней. Сказали выживать, и он выживал, терпел. В результате, после приземления врачи вытаскивали Николаева из возвращаемого аппарата. Далее последовали проблемы с сердцем, инфаркт и запрет на дальнейшую подготовку. Естественно, что это не способствовало психологическому спокойствию космонавта.

На дальнейшее Николаеву оставались только должностные функциональные обязанности и спокойное течение повседневной жизни.

Он и раньше не был активистом общественной жизни, а после полета вообще сократил свою активность до минимума.

Валентина Терешкова была по характеру явной противоположностью Николаева. Активный общественный человек по жизни. Она и в отряд космонавтов пришла с должности секретаря комитета комсомола ткацкой фабрики. Она хотела и умела выступать перед людьми, всегда активно отстаивала свою точку зрения.

Они стали мужем и женой сразу после полета Терешковой и почти сразу же Валентина вернулась в привычную активную общественную жизнь, сразу стала занимать высокие посты. И это не было удивительно для первой женщины в космосе.

Кругом общения Николаева были в основном друзья и коллеги по Звездному городку, интересы тоже были в основном постоянными и предсказуемыми.

Валентина Терешкова, наоборот, постоянно общалась с представителями разного уровня советского и мирового сообщества. В этой ситуации она просто обязана была расти и в профессиональном плане (общественная деятельность), и в интеллектуальном плане. Иначе не удержалась бы на этом поприще.

Конечный итог в таких случаях предсказуем.

Обычно не растут интеллектуально жены, и мужьям становится с ними неинтересно. Что-то похожее вероятно произошло и в данном случае, только с точностью до наоборот.

История Андрияна Николаева и Валентины Терешковой не является исключением.

Примерно те же причины и у других космонавтов первого отряда, которые разошлись со своими женами после полетов. Кто-то назовет эти причины звездной болезнью, кто-то завышенными и не оправдавшимися ожиданиями. Каждый имеет свое мнение.

Из первого отряда слетали в космос 12 человек. Из них:

Разошлись Николаев и Терешкова.

Разошелся с женой и Павел Попович. Уже после того, как покинул военную службу, и устроил судьбу своих дочерей. Решил, что пришла пора пожить и для себя.

Развелся и нашел новое счастье Шонин.

Марс Рафиков был отчислен из первого отряда космонавтов после того, как заявил о своем возможном разводе. Причину нашли быстро. Без разрешения командования покинул территорию части.

2. Почему среди космонавтов практически нет летчиков-испытателей?

Летчик-испытатель это устоявшаяся, прошедшая проверку временем, профессия, которой гордятся. Это элита в среде летчиков.

Почему на начальном этапе летчики-испытатели не торопились идти в космонавты?

Миф о том, что они боялись не пройти медкомиссию, не выдерживает серьезной критики. Их проверяют не хуже кандидатов в космонавты. И проверяют, кстати, те же специалисты.

Все гораздо проще. Летчики-испытатели не видели на начальном этапе испытаний космических аппаратов, работы для себя. Они привыкли испытывать аппараты в разных режимах, имея возможность самим управлять этим аппаратом, самим принимать решения в аварийных ситуациях.

А космические аппараты тогда, да и сейчас, на 90 % разрабатываются с учетом обязательного автоматического (автопилотного) режима. Человек нужен только в аварийных ситуациях. А во время длительных космических полетов космонавт в основном работает высококвалифицированным оператором научной аппаратуры и обслуживает аппаратуру, обеспечивающую его же жизнедеятельность.

Летчики-испытатели не учли политическую составляющую в космической профессии, а потом доказали, что для них важнее своя профессиональная деятельность, чем карьерный рост. Когда появилась возможность испытывать ручное управление космическим кораблем «Буран», летчики-испытатели не заставили себя уговаривать. И не их вина в том, что запланированные испытания не состоялись. Вновь по политическим мотивам.

Может быть, честнее поступили американцы. На их космических кораблях с первых вариантов ручное управление планировалось основным, а автоматическое играло роль запасного или аварийного.

Поэтому и нет у них разговоров о героизме и подвигах. Они говорят о профессионализме выполненной работы, о достойной оплате выполненной работы. Ну, и немного почестей. Медаль за космический полет. За многолетнее участие в полетах другую медаль. Как уважение к профессии.

Показательно. Некоторые наши космонавты, совершившие первый полет на американских кораблях, в России вообще не были награждены. Как будто и не летали в космос. Если же первый космический полет был совершен на российском космическом корабле, то космонавт сразу получал звание Героя России, летчика-космонавта России со всеми льготами.

Такой подход возможно и патриотичен, но не профессионален, по меньшей мере.

Рассмотрим несколько вопросов более подробно.

Чем отличается работа летчика-испытателя от работы космонавта?

Летчик-испытатель принимает решения и осуществляет их от запуска двигателя самолета до остановки двигателя после посадки.

Принял правильное решение – полет завершается нормально. Ошибся – жди неприятностей.

Летчик-испытатель всеми своими органами чувств ощущает самолет на протяжении всего полета. И от того, насколько он правильно он чувствует самолет, зависит и правильность его решений и даже его собственная жизнь.

Космонавт принимает свои решения и осуществляет их только в случае отказа автоматики на некоторых этапах своего полета – дальнейе и ближнее сближение с последующей

стыковкой, выход в открытый космос, отказ бортовых систем во время орбитального полета на пилотируемых станциях.

Наиболее важные этапы космического полета стыковка и выход в открытое космическое пространство. Именно здесь космонавт может проверить все свои лучшие качества испытателя. И практика космических полетов это доказывает.

Остальные режимы и этапы это в основном терпение, выживание в однообразном ритме.

Летчик-испытатель учится чувствовать самолет всей своей многолетней летной практикой, учится чувствовать самолет в каждое мгновение. Он определяет отклонение в работе систем самолета не только по приборам, но в первую очередь собственными органами чувств. Соответственно своим ощущениям он и реагирует на поведение самолета. Чем больше полетов, тем больше бесценного практического опыта.

Космонавт по вибрациям чувствует работу ракеты в период старта и до выхода на орбиту. Он также теоретически знает, что и на какой секунде должно произойти, по часам контролирует прохождение или отклонение от графика работы по запланированной программе. Но управлять ракетой до выведения корабля на орбиту он не может. Нет у него таких возможностей.

В первом старте космонавт **ВПЕРВЫЕ** начинает получать собственные ощущения от каждой секунды полета, от каждого срабатывания аппаратуры – по звукам, по толчкам, по ускорению и торможению, даже по запахам. Он впервые начинает получать и накапливать практический опыт в своей профессии.

НО! Если у космонавта не будет второго полета, то этот опыт уходит в пустоту.

– Если у космонавта будет второй, третий и далее полеты, то первый опыт может только добавить ему уверенности в том, что по его ощущениям все идет по программе. Или наоборот – не все в порядке и надо что-то предпринимать.

Однако, в любом случае сам космонавт в процессе выхода на орбиту ничего предпринять не сможет для устранения аварийной ситуации или исправления возможной ошибки в работе систем стартового ракетного комплекса.

Та же ситуация наблюдается и на других участках космического полета и спуска с орбиты.

Космонавт может только ждать и надеяться на благополучный исход работы аппаратуры в автоматическом режиме.

Космонавт фактически не испытывает и не проверяет космический корабль на различных режимах работы. Он лишь наряду с телеметрической системой проверяет правильность работы автоматических программ.

И только в отдельных случаях космонавтам дано право выдавать отдельные команды вручную – в основном перед сходом космического корабля с орбиты.

Начинать что-то предпринимать космонавт может только на этапе дальнего и ближнего сближения и стыковки. На этом этапе автоматика позволяет космонавту взять управление на себя.

Но и здесь есть свои особенности по сравнению с работой летчика-испытателя, например, при испытании систем дозаправки в воздухе.

Летчик-испытатель после многократных тренировок на тренажерах имеет возможность также многократно проверить систему подхода и отхода к другому самолету во время реальной операции дозаправки. Если не получилось сегодня, получится завтра или в другой день.

У космонавта такой возможности нет. У него более жесткие ограничения. Одна. Максимум две-три попытки стыковки и запаса топлива останется только на возвращение на Землю. И далее новый корабль, новая ракета-носитель.

Да, космонавт тоже долго и упорно тренируется в режимах ручной стыковки на тренажерах и при различных начальных вводных.

Но! Летчик-испытатель идет на сближение со своим объектом, наблюдая его через лобовое стекло самолета, как в автомобиле. Показания приборов лишь помогают ему в принятии правильных управляющих воздействий.

Космонавт видит объект стыковки только на экране оптического или телевизионного приборов. Характеристики этой аппаратуры на тренажерах одни, а на конкретном космическом корабле могут значительно отличаться. И уже по первому движению ручек управления в реальном полете космонавту нужно вносить коррективы в свои привычные управляющие действия, приспосабливаться к новой аппаратуре. Иначе можно ускорить свой полет или наоборот затормозить, а то и улететь в боковом направлении.

А если космонавт хоть на несколько секунд засуетится, то можно считать попытку стыковки сорванной.

Есть и еще одно существенное отличие в работе летчика-испытателя и космонавта. Это работа в открытом космосе в скафандре. Тут уж практически всегда успех работы полностью зависит от профессионализма и выдержки космонавта.

На орбите в самой орбитальной пилотируемой станции (комплексе) работа космонавта более спокойна. У него всегда есть резерв времени для принятия мер безопасности. Хотя суетиться космонавту не рекомендуется при любых обстоятельствах.

Во время одного из полетов был пробит корпус одного из модулей орбитального комплекса «Мир». Воздух стал стремительно уходить из комплекса в открытый космос. Экипаж не растерялся. Они смогли заглушить входной люк пробитого модуля и продолжили работу.

Эта ситуация еще раз вскрыла застарелую болезнь в инструкциях космонавту. Им предписывалось в любой чрезвычайной ситуации обязательно проконсультироваться с Землей, а уж потом предпринимать какие-то действия по устранению аварийной ситуации.

Но ведь это не всегда возможно хотя бы даже из-за отказа систем связи. А если упустить время, то можно и не выполнить рекомендации Земли. Да и не факт, что эти рекомендации будут стопроцентно правильными.

Вот и в этом случае. Космонавты выполняли необходимые действия по спасению орбитального комплекса и своих жизней, а потом уточняли с Землей правильность своих действий.

Эта ситуация еще раз доказала и то факт, что человек легче проходит опасные ситуации, если он занят делом, может сам что-то предпринять или предотвратить.

Американский астронавт во время разгерметизации находился в самом невыгодном положении. Русские космонавты носились как черти, пытаясь выправить положение, а астронавт ничем не мог им помочь, так как недостаточно хорошо знал системы комплекса и не сразу разобрался в сложившейся обстановке. Ему было страшнее всего.

Космонавты поняли это, и, не смотря на критичность по времени, стали давать астронавту конкретные задания. Он «перестал путаться под ногами». Ситуация выправилась.

Настоящее понимание опасности сложившейся ситуации пришло потом, и космонавты пережили его гораздо сложнее, чем сам период борьбы за выживание. Но это уже отдельный разговор.

Летчик-испытатель серьезный участник испытаний самолета. Если он дает какие-то рекомендации по работе техники или управляемости самолета, к нему всегда прислушиваются, и делают все, чтобы устранить замечания.

Первых космонавтов специально набирали из молодых, здоровых летчиков, но без особого летного опыта.

Они то и космическую технику знали в общем, а замечания их сводились в основном к удобству рабочего места и оценки возможности удобного доступа к приборам контроля и управления космическим кораблем.

Например. И через 50 лет после полета Юрия Гагарина на космическом корабле «Союз» существует орган управления «кочерга». Это своеобразная палка, при помощи которой космонавт в наддутом скафандре может выдавать отдельные команды с пультов управления. Иначе, к нужным кнопкам, он просто не дотянется.

Конечно, кое-какие ручки управления и кнопки были выведены и закреплены на подлокотниках, и космонавту не нужно теперь поднимать руки. Работает кистями и пальцами. Но это скорее заслуга космонавтов-инженеров, которые поняли, что по другому нельзя, а разработчики пошли им навстречу.

Отсюда, между прочим, пошло и определенное противостояние между космонавтами летчиками и космонавтами гражданскими инженерами.

Но это уже другой вопрос.

3. Вы считаете профессию космонавта опаснее других земных профессий? И как это согласуется с принципом ответственности?

Я скорее склонен считать, что действия космонавтов просто требуют большей ответственности при выполнении работы в космосе?

Вот интересно. Профессию солдата в период Великой Отечественной Войны, идущего в атаку на фашистские позиции, можно считать опаснее других профессий? Солдаты гибли, но им не присваивали героических званий, не награждали орденами и медалями. Они ведь просто шли в атаку и гибли! Это был их долг перед Родиной. И они его выполняли, не требуя себе никаких наград.

И в повседневной жизни каждый человек выполняет свой долг перед человечеством. Как может. Как способен. И пусть это будет водолаз, пожарный, воин в «горячей точке», человек на любой работе, но всегда в деятельности любого человека будет присутствовать опасность. Главное, как человек встречает и преодолевает эту опасность. Никто не убедит семью погибшего солдата в том, что профессия космонавта опаснее.

Интересно. Кто больше рискует? Испытатель техники, которую разработал и создал большой коллектив ученых, конструкторов и рабочих? Или самоучка, который несколько десятков лет лелеял свою мечту о полете, изучал литературу, конструировал, создавал из подсобных материалов аппарат и, наконец, сам же на нем и полетел?

Разница лишь в том, что первый выполняет рискованную работу для страны и коллектива, а второй для себя. Один, в случае удачи, получает награды и почести, а второй – только личное моральное удовлетворение, порцию адреналина как потребность данного организма.

Точно так же, в горы для получения своей порции адреналина, ходят многие. Награды, почести, известность после покорения очередной вершины, получают немногие. Но адреналин получают все!

Интересно. Какой стимул в деятельности человека важнее – быть первым и лучшим, стать Героем, или получить личное моральное удовлетворение от хорошо сделанной работы?

Ведь удовлетворение можно получить и от хорошо выполненной работы по очистке от снега дворовой территории, и от простого процесса при выполнении рядового научного эксперимента, и от удачного первого полета на экспериментальном самолете, и... Перечислять можно много и долго.

Солдаты спецназа, обученные возможному и невозможному, и выполняющие опасную военную операцию, которую разрабатывало и обеспечивало по действиям до секунд множество людей, – они просто люди долга или Герои?

А мать, в муках рожаящая своего ребенка, разве не проявляет героизм? Разве не рискует при этом своим здоровьем и даже жизнью?

Так героизм это когда ради себя родного или когда ради других людей?!

Кто из них совершает ПОДВИГ? И вообще что тогда ПОДВИГ?

На мой взгляд, подвиг это только конечный результат мыслей и действий, поступок. А героизм – это наиболее вероятный путь к подвигу. Потому, что сам по себе путь может в любую секунду изменить направление, может зайти в тупик или закончиться бездной.

Александр Матросов стал Героем, совершив Подвиг в тот момент, когда накрыл своим телом амбразуру, спасая своих товарищей. Однако, если бы он не накрыл амбразуру (погиб в сантиметре от нее), то так и остался бы для всех одним из миллионов погибших солдат. Но ведь они шли на амбразуру сознательно!

Юрий Гагарин и первые космонавты проявили мужество и героизм, потому что не побоялись пойти в неизвестность, сделали первый шаг на пути в космос для всего Человечества. Они были ПЕРВЫМИ! Они Герои!

Но если бы кого-то из представителей первого отряда космонавтов, не слетавших в космос, поменять местами со слетавшими космонавтами, изменились ли бы их судьбы? Уверен, что да. Возможно даже, что среди не слетавших были и более достойные кандидаты на полет. Возможно. Но! Они все же не слетали!

Для совершения следующих шагов тоже требуется смелость, мужество, но героизм проявляется уже только при преодолении особо опасных и трудных ситуаций во время космических полетов.

Наверное поэтому звезду Героя России уже не вручают за каждый космический полет. И это правильно.

И еще. Говоря об опасности профессии, нельзя не сказать и о гражданской позиции специалиста по различным вопросам. О позиции, следование которой требует иногда огромного мужества.

Приведу пример. Обычно перед первым полетом космонавты ведут себя очень осторожно, так как велик риск по надуманному предлогу оказаться отстраненным от полета.

Известно, что космонавт Комаров перед полетом высказал очень много замечаний по подготовке корабля «Союз» к первому полету, доказывая что корабль еще «сырой». Но в испытательный полет все-таки пошел, так как не хотел, чтобы его обвинили в трусости. Не хотел, чтобы в случае неудачи вместо него погиб другой человек. И Комаров погиб сам. Как оценить его поведение?

В другой раз замечания по процессу своей первой подготовки к полету высказал бортинженер основного экипажа Крикалев. Его осадил вопросом: «Вы скажите конкретно. Сами готовы к полету?»

Крикалев выдержал психологический удар. Он подтвердил, что лично сам к полету готов, но и от замечаний своих не отказывается. В тот раз Крикалев ушел в свой первый полет, хотя и не без поддержки Шаталова. И на сегодняшний день он единственный из российских космонавтов, кто слетал в космос шесть раз. И он же сейчас начальник Центра подготовки космонавтов.

Или вот еще интересно. Если человек способен обоснованно сказать «нет», когда от него требуют сказать «да», он проявляет героизм, совершает подвиг?

На мой взгляд, это:

- гражданская позиция и мужество, если «да» требует руководство,
- подвиг, если согласие равносильно измене Родине,
- подвиг – для слабого человека в любом случае,
- обычный поступок для человека, если по другому жить нельзя. А для общественности это подвиг.
- один из вариантов поведения, в зависимости от обстоятельств.
- соблазн заработать баллы общественного мнения или покрасоваться перед...
- упрямство, если раньше он сказал «нет», хотя и понимает, что в данной ситуации неправ,
- глупость, если человек просто не понимает о чем идет речь,
- расчет, если знает расклад сил и понимает, каким будет конечный результат,
- самопожертвование, если знает о возможных тяжелых последствиях для других людей в случае его согласия,
- безразличие, если человеку все равно, что будет потом и с ним, и с другими людьми,
- безумие, если человек болен и не может отвечать за свои поступки.

Как видно по каждому вопросу может быть огромное количество ответов, и заранее сказать, как кто-то ответит на вопрос и тем более, как поступит в конкретной ситуации просто невозможно. Для этого необходимо, чтобы ситуация произошла.

А я снова возвращаюсь к вопросу ответственности каждого человека за свою деятельность, за свои поступки.

Космонавт ошибается и гибнет сам. Ошибается кто-то из расчета стартовой команды и гибнут десятки людей. (Взрыв незадолго перед стартом Гагарина).

Безответственность операторов, например, атомной станции грозит жизням уже тысячам, а то и сотням тысяч, людей.

А ошибки безответственных политиков могут стоить жизни уже миллионам людей.

Так какова же роль человека (индивида) в обществе под названием ЧЕЛОВЕЧЕСТВО? Он винтик в этом сложном механизме. Винтики-болтики, шестереночки-гаечки могут быть простыми и сложными, маленькими и большими. Но любой механизм, в том числе и Человечество, превосходно будет функционировать, если все его мельчайшие составляющие находятся в идеальном исправном состоянии. Именно все! В противном случае будущее каждого человека, как и ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, не предсказуемо.

4. Почему наши женщины не летают в космос так же часто, как американки?

Сразу скажу. Вопрос о необходимости полетов женщин в космос, как в С.С.С.Р., так и сейчас в России, да и в США был и остается спорен. Политика, престиж, борьба за равноправие, во что бы то ни стало, эмансипация. Здесь все перемешано.

Эти обстоятельства наложили свой отпечаток и на подготовку, и на осуществление первого космического полета женщины Валентины Терешковой. Ведь никто не собирался набирать в отряд космонавтов женщин. Полетов планировалось мало, а кандидатов мужчин было достаточно много. Но США уже к первому полету Ю. Гагарина отобрали 12 женщин для подготовки к космическому полету. Мы не могли упустить престижное первенство в таком вопросе. Правда опытных летчиц не нашли, а может быть и не искали. Скорее всего, учитывая опыт полета Ю. Гагарина, искали беспрекословную исполнительницу воли партийного руководства. Потом уже учитывали здоровье, способности и возможности. Среди отобранных инженер и педагог, техник и ткачиха. Для самого же полета была отобрана та, у которой было самое пролетарское происхождение и наибольший опыт общения с большими молодежными коллективами. Руководителям страны скорее нужна была пламенный публичный оратор, чем специалист, в какой либо отрасли техники. И Терешкова полностью оправдала их надежды.

Саму программу экспериментов в космическом полете Валентина Терешкова выполнила не полностью.

После посадки ее возвращения специалисты нашли много следов рвотных масс в возвращаемом аппарате. Она почти ничего не ела. Чтобы скрыть это обстоятельство, Терешкова успела, до появления спасателей, раздать тубы с питанием, набежавшим зрителям. Она не выполнила всего комплекса движений головой и телом, не сообщила об этом на Землю.

Причиной тому был горький опыт Г. Титова, который честно сообщал о своем самочувствии в полете, дав повод медика настоять на его досрочной посадке.

Терешкова не справилась и с ручной ориентацией корабля. Но она терпела и дотерпела до конца.

С другой стороны она мужественно терпела всю программу полета – а это было главное.

Более того. На завершающем этапе наземный персонал ЦУПа выдал на борт корабля неправильную программу посадки. В результате корабль должен был вместо торможения и посадки уйти на разгон и в неизвестность.

В этой ситуации Терешкова не растерялась, и показала себя с лучшей стороны. Она правильно поняла показания приборов, во время сообщила о сложившейся ситуации на землю. Программу переделали, начальные условия посадки изменили. Терешкова приземлилась нормально. Сам Королев попросил Терешкову не распространяться об этой ситуации, и она выполнила его просьбу. Молчала 49 лет.

Но общее впечатление о ее полете осталось у специалистов негативное и естественно сказалось на дальнейшем их отношении к полетам женщины в космосе. С. П. Королев заявил, что больше в космос женщин не пошлет.

Однако, с политической точки зрения, выбор В. Терешковой оказался столь же удачным, как и в случае с Ю.Гагариным. Она достойно представляла страну на мировом уровне, одинаково успешно покоряя своим обаянием и простых людей и королей.

После полета Терешковой вдруг выяснилось, что никто не знает, чем же будут заниматься женщины в будущих полетах. Тем более что американцы, «проиграв женское пер-

венство», решили притормозить отбор и подготовку женщин к космическим полетам. И два десятилетия этот вопрос для них был закрыт.

Однако, вскоре после полета Валентины Терешковой Николай Каманин предложил Королеву две интересные программы. Уяснив их смысл, Королев улыбнулся: «Надо же, старая мышь что придумал!»

Судя по дневникам Н. Каманина, предложения состояли в следующем. Во второй полет отправить женский экипаж с выходом женщины в открытый космос. В третьем полете экипаж должен был быть смешанным. Двое мужчин и одна женщина. Главная цель – исследования взаимоотношений мужчины и женщины в космосе и зарождения будущей жизни. Об этом говорит тот факт, что в полете планировалось использовать установку с искусственной гравитацией.

По многим причинам эти полеты так и не состоялись, а американцы по некоторым данным использовали установку с искусственной гравитацией в 1984 году во время полета Джудит Резник и Ричарда Маллейна. Положительных результатов не получилось, и подобные эксперименты были прекращены. Хотя семейный экипаж в космос американцы все же отправляли. Это были Нэнси Джейн Дэвис и Ли Марк Чарльз. Они поженились тайно, незадолго до старта своего экипажа и поставили руководство НАСА перед фактом случившегося.

После их полета в НАСА было принято официальное решение о запрете полета супружеских пар. А вскоре после полета астронавты супруги разошлись. Детей у них не было.

Американский журналист Джеймс Оберг тоже писал о попытке зарождения жизни в космосе. Астронавты на орбите получали искусственным образом закулят – выделяли сперматозоиды, замораживали, а потом их имплантировали женам астронавтов. И снова без положительных результатов.

Попытки провести подобный эксперимент в нашей стране делались. Радио России в мае 1992 года выдало в эфир целую передачу с Ириной и Андреем Филиповыми. Сотрудники отдела науки «Литературной газеты» согласны были зачать ребенка в космосе. Даже при условии трансляции этого процесса на весь мир с орбиты. Но снова дальше разговоров дело не пошло. Требуемых спонсоров на такое дело не нашлось.

Вообще о таких экспериментах не сообщается. Но, есть они или нет, пусть решит каждый для себя, исходя из жизненного опыта, уровня знаний и желания.

Впервые после долгого перерыва в С.С.С.Р. о полете в космос женщины вдруг снова заговорили в 1980 году. Почему? Да просто. Американцы вновь объявили о серьезной подготовке к полету женщин на своем космическом корабле. Были снижены медицинские требования не только к специалистам по операциям на орбите, но и к пилотам.

К началу 2013 года уже две женщины летали в космос в качестве командиров экипажей космического корабля «Шаттл» – Айлин Колинз и Памела Энн Мелрой. Две женщины возглавляли многомесячные основные экспедиции на МКС – Пегги Уилсон и Сунита Уилльямс.

А уж по части работы в открытом космосе, то тут у американок почти равенство с мужчинами. А иногда они даже впереди и по количеству выходов и по времени нахождения в открытом космосе.

Так что нашим женщинам есть чему поучиться у американок в плане борьбы за равноправие в профессии.

В 1980 году Центр подготовки космонавтов был взбудоражен известием о том, что в первую пятерку французских кандидатов на полет вошла женщина. Это порождало массу этических проблем: скафандры не были рассчитаны на женщин, нужно было бы вводить дополнительные структуры для обслуживания женщин. Но неожиданно решение этих вопросов получило отсрочку. Француженка во время прыжков с парашютом сломала ногу, и временно выбыла из числа кандидатов.

Все вздохнули облегченно. Но не надолго. Проблемы пришлось решать. Уже в том же 1980 году руководство страны решило идти в ногу со временем и не уступать американцам. Наша женщина должна была первой выйти в открытый космос, первой слетать дважды. И Светлана Савицкая в 1982 и в 1984 годах успешно выполнила эти задачи.

После ее полета снова возник вопрос о полете женского экипажа. Но Пронина к этому времени уже ушла из отряда, Катя Иванова и Елена Доброквашина готовились, но поддержать Савицкую на должном уровне подготовки не могли. Дублирующий экипаж так собрать и не смогли. В конце концов, программа закрылась, как за нее ни боролась Светлана Савицкая. Она первая поняла складывающуюся ситуацию и вскоре прекратила тренировки. К тому же она готовилась стать матерью. Так что на активные политические игры у нее уже не оставалось ни сил, ни желания. Сын у нее родился в 1986 году и это тоже впервые в мире у женщины космонавтки после второго космического полета.

После рождения сына Савицкая вновь активно занялась вопросом подготовки к длительному космическому полету женщины. Делала для этого очень много, но всегда у нее на пути вставал, тогда уже заместитель Генерального Конструктора НПО «Энергия», известный космонавт В. Рюмин. Ну не хотел он отправлять женщин в длительный космический полет. Не считал целесообразным. И, в конце концов, все женщины ушли из отряда, прекратили подготовку.

Однако в жизни не все так просто. В 1985 году Рюмин женился на молодой сотруднице фирмы Елене Кондаковой. В 1986 году у них родилась дочь. А вскоре у молодой жены появилось непреодолимое желание слетать в космос. И муж изменил свое мнение. Теперь уже он доказывал везде научную необходимость длительного космического полета женщины.

В 1989 году Кондакова проходит медицинский отбор, зачисляется в отряд космонавтов, проходит соответствующую двухгодичную подготовку. Конкуренток к этому времени в отряде не осталось, и уже в 1994 году она совершает длительный космический полет в 169 суток. Цель полета – изучение особенностей протекания физиологических процессов у женщины при длительном космическом полете. И почти никакой информации о проводимых конкретных медицинских исследованиях.

В мае 1997 года Е. Кондакова совершила второй космический полет. Теперь уже на американском Шаттле «Атлантис». Другим женщина в России пока не повезло.

Итого, к 2013 году всего три россиянки слетали в космос против более 55-ти американок.

Сейчас в отряде числится Елена Серова, жена космонавта Марка Серова из отряда НПО «Энергия». Не исключено, что ей тоже повезет. Во всяком случае, она включена в экипаж для полета в 2014 году.

Еще одна женщина отобралась кандидатом в космонавты при последнем наборе 2012 года. Но все-таки это не система.

Для решения проблемы нужна политическая воля руководства страны и космической отрасли в частности..

На начало 2013 года я знаю фамилии 20-ти женщин нашей страны, которые прошли сито медицинского отбора и готовились к космическим полетам: ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА, ИРИНА СОЛОВЬЕВА, ВАЛЕНТИНА ПОНОМАРЕВА, ТАТЬЯНА ПИЦХЕЛАУРИ, ЖАННА ЕРКИНА, СВЕТЛАНА САВИЦКАЯ, ИРИНА ПРОНИНА, ЕКАТЕРИНА ИВАНОВА, ГАЛИНА АМЕЛЬКИНА, ЕЛЕНА ДОБРОКВАШИНА, НАТАЛЬЯ КУЛЕШОВА, ИРИНА ЛАТЫШЕВА, ЛАРИСА ПОЖАРСКАЯ, ТАМАРА ЗАХАРОВА, ЕЛЕНА КОНДАКОВА, НАДЕЖДА КУЖЕЛЬНАЯ, СВЕТЛАНА ОМЕЛЬЧЕНКО, НАТАЛЬЯ ГРОМУШКИНА, ОЛЬГА КАБО, ЕЛЕНА СЕРОВА.

5. Какова роль военных в пилотируемых космических полетах?

Подробно говорить о военных аспектах в пилотируемой космонавтике как-то не принято. Но уж коли возник такой вопрос, то начать можно с того, что первый отряд космонавтов и обслуживающий персонал Центра подготовки космонавтов набирались из личного состава военно-воздушных сил. И эта ситуация в Центре сохранялась вплоть до 2009 года.

После набора в первый отряд кандидатов в космонавты набирали и из инженеров, и из медиков, и из научных работников, и из журналистов, из актеров. Пройдя медицинский отбор, они продолжали работать на прежних местах, готовились по своим программам. Затем специальная мандатная комиссия проводила окончательный отбор кандидатов, которым предстояло пройти курс общекосмической подготовки в Центре. Однако, главная работа начиналась после объявления о подготовке к конкретному космическому полету. Гражданские кандидаты на полет прибывали в Центр на период непосредственной подготовки, как в командировку.

Во время приезда зарубежных делегаций в Центр подготовки космонавтов, для всех сотрудников наступали самые неприятные моменты. Все, кроме космонавтов, переодевались в гражданскую одежду. И только к концу века этот режим был смягчен.

Даже занятия и тренировки с иностранными космонавтами требовалось проводить в гражданской одежде. Доходило до смешного. Человек читал лекцию американцам. Затем шел домой, переодевался в военную форму одежды и заступал на суточное дежурство в наряд. И уже в течение этих суток он неоднократно встречал своих слушателей в силу своих служебных обязанностей.

Эту ситуацию можно назвать формальным подходом к решению вопроса. Однако этот подход мало менялся и применительно к вопросам использования пилотируемой космонавтики в военных целях.

Ю. Гагарин после своего полета уже 5 мая передал Главкому ВВС рапорт, в котором писал: «Обдумывая все пережитое мною в первом космическом полете, я как офицер и военный летчик, не могу не дать своей оценки возможной роли человека в космическом корабле, предназначенном для выполнения военных задач. У меня сложилось впечатление, что космические корабли могут с большим успехом применяться для ведения разведки. Хотя в полете 12 апреля в мои задачи не входило обнаружение каких либо объектов, тем не менее, я уверен, что с высоты 100–200 километров даже невооруженным глазом можно при благоприятных условиях видеть некоторые военные объекты, например ВПП и возможно крупные корабли в океане. Я убежден, что при установке на корабле современной фотоаппаратуры можно получить снимки высокого качества... Будут программы с беспилотными искусственными спутниками Земли. Но есть преимущество космического корабля с человеком на борту... Человек на космическом корабле способен произвести предварительный анализ информации и регулировать ее так, чтобы на Землю поступали в первую очередь наиболее важные сведения. Он может управлять аппаратурой...».

В этом рапорте прослеживаются две проблемы. Первая – нужен ли собственно человек при полетах космических аппаратов. Об этом спорят до сих пор. В зависимости от того, кто на какой должности стоит и к какому ведомству относится.

Характерный пример. Г. С. Титов, как и все космонавты, считал роль человека в космическом полете чрезвычайно важной. Однако, в силу своего характера, он не ужился в Центре подготовки космонавтов, закончил академию Генштаба и стал-таки генералом, но в ведомстве, где запускали беспилотные спутники-разведчики. И уже на всех научных кон-

ференциях не было более ярого противника использования человека в космосе. По Титову получалось, что все чего мог бы достичь человек в космосе, можно в сотни раз в большем объеме и лучшего качества получить с помощью беспилотных средств. Народные деньги нельзя тратить попусту. А если и тратить, то лучше на развитие автоматических кораблей. Хорошо, что не он принимал окончательные решения.

Вторая проблема, это техническое оснащение человека при наблюдениях из космоса. Хорошую аппаратуру для рассматривания Земли разработали специалисты конструкторского бюро В. Челомея, и расположили ее на орбитальной пилотируемой станции «Алмаз». Она работала потом на орбите под названием «Салют-3» и «Салют-5». Заранее готовясь к работе на ней, в отряд космонавтов дополнительно набрали группу военных инженеров, подготовили прекрасную тренажную базу. На станциях успели отработать 4 экипажа с очень хорошими результатами. Они доказали, что из космоса можно не только вести качественную военную разведку, но и осуществлять оперативное управление наземными силами, исходя из данных разведки.

Но всю программу под удобным предлогом «борьбы за мир» прикрыли. Было уничтожено и все тренажерное оборудование, предназначенное для подготовки экипажей военных пилотируемых космических станций.

Эта же история, с подачи М. С. Горбачева повторилась и с пилотируемым космическим кораблем «Буран», аппаратура которого на 90 % могла быть использована военными. Его смогли на 100 % удачно вывести в космос и посадить на Землю в автоматическом режиме. Однако, продолжение работ в пилотируемом варианте сочли нецелесообразным.

Но ведь даже гражданский космонавт, делая обыкновенные панорамные снимки Земли в научных целях, невольно снимал и военные объекты в этом районе, если они были. Тем более что аппаратура не только позволяла отличить на снимках телегу от автомобиля, но разобрать номерной знак на этом автомобиле. Все зависело от того, какой специалист будет рассматривать или расшифровывать эти снимки.

В этом отношении можно привести очень характерный пример. Сугубо гражданский космонавт, бортинженер В. Лебедев в течение всего своего 211-суточного полета в 1982 году вел дневник. Он описывал все что видел, что чувствовал, что делал.

По возвращению из полета многие космонавты с помощью журналистов пишут статьи, книги. Не стал исключением и Лебедев. Ему сразу же после возвращения предложил свои услуги некий представитель издательства на очень выгодных условиях. И Лебедев отдал ему свои дневники для обработки в литературный вариант. Но оказалось, что представитель этот был из Германской разведки.

В завершение, наверное, надо сказать и о работах с военным уклоном на международной космической станции (МКС).

Она собрана из отдельных сегментов, которые принадлежат России, США, и другим странам.

Также собираются и экипажи – из представителей разных стран, представители которых по очереди становятся командирами очередных экспедиций.

В перечне работ по обслуживанию сегментов и проведению научных экспериментов есть элементы совместной деятельности, а также свои государственные, не всегда открытые, программы.

Особенно ревностно относятся к этим вопросам американцы, которые не только живут в своих сегментах, но и не допускают наших космонавтов к проведению отдельных экспериментов. Они как будто не замечают вопросов космонавтов по предназначению некоторых научных приборов в американских сегментах МКС.

Нужно сказать, что такая ситуация прогнозировалась с самого начала создания в США НАСА – Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического про-

странства, которое было создано летом 1958 года. НАСА официально отвечало за гражданскую космическую программу, но и не скрывало военную направленность некоторых своих экспериментов и разработок. Уже при организации НАСА ему в управление были переданы многие конструкторские бюро и предприятия, занимающиеся военными разработками. Естественно, что во время космических полетов проводился и ряд экспериментов в интересах военных.

Да и первые астронавты были набраны из среды военных летчиков-испытателей, и об интересах своей страны они никогда не забывали.

К слову сказать. Такое организующее и объединяющее начало как американское НАСА в России было создано только через несколько десятилетий. Им стал Роскосмос.

6. Расскажите о семьях космонавтов

Наверное, правильно будет рассказать сначала о семьях космонавтов первого отряда. Ведь с них все начиналось. Они закладывали традиции.

В этой связи мне вспоминается посещение Звездного городка американским астронавтом Армстронгом, который первым ступил на лунную поверхность.

Во время встречи в доме космонавтов Звездного городка он считал, что Гагариной и Беляевой нет в зале. Но они присутствовали.

Когда во время выступления ему сообщили об этом, он от волнения не смог продолжить сразу свою речь. Но и встретиться с женами космонавтов не решился. И только из-за рубежа прислал письмо с извинениями, попытался объяснить свое поведение.

Такова степень уважения к женщинам, женам космонавтов, которых уже нет с нами. И они своим поведением доказывали постоянно, что достойны такого уважения.

Но если уж выбирать образец поведения жены космонавтов, то для меня им была и остается Беляева Татьяна Филипповна. Могут быть разные мнения на этот счет. Но, наверное, все, кто, так или иначе, общался с женами космонавтов, согласятся, что добрее, отзывчивее ее среди жен космонавтов нет.

Татьяна Филипповна не хотела, чтобы муж летал в космос. Но она понимала, что без этого ее муж уже не будет жить. Будет просто существовать. Ходить по земле живым трупом. И она помогала ему во всем в меру своих сил и возможностей.

Павел Иванович умер счастливым человеком, осознающим, что в своей жизни он не изменил своей великой мечте, и сделал все для ее осуществления.

А Татьяна Филипповна была ему верной подругой. И, как ни трудно было ей помогать ему на избранном пути, она нашла в себе силы и мужество быть всегда рядом с ним, помогать, а не мешать ему.

Согласитесь, что это мужество и великое – видеть, что мужу плохо, что он находится в ужасном состоянии, и не сметь позвать на помощь, понимая, что любое такое ее действие еще больше скажется в худшую сторону на состоянии ее мужа. А ведь он все еще мечтал о космосе. Но и язва желудка развивалась у Павла Ивановича стремительно.

Как же сильно надо было любить его, и понимать его, чтобы суметь заставить себя терпеть в такой ситуации. Ведь ситуация чем-то напоминала обстановку перед первым полетом Беляева. Тогда во время парашютного прыжка он сломал ногу. И врачи поставили на нем крест, как на космонавте. Но Беляев не сдался. Терпел адские боли, но сумел вытянуть более короткую ногу до нормы, без потери функциональных способностей. И Павел Иванович Беляев смог слетать в свой космический полет.

Утрата не сломила Татьяну Филипповну. Она у мужа переняла великий оптимизм и доброжелательность, была и осталась всегда открытой для людей. Она и работу себе нашла такую, чтобы всегда быть в гуще людей. Работала в библиотеке дома космонавтов Звездного городка.

Валентина Ивановна Гагарина избрала другой путь поддержания памяти своего мужа. Она отстранилась от всех, замкнулась в своем одиночестве.

Так уж получилось, что первой женщиной, которую я встретил в Звездном городке по прибытии для прохождения службы, была Валентина Ивановна Гагарина.

Я не знал, что это жена Юрия Гагарина. Шла она неторопливо, устремив взгляд вперед. Казалось, что она никого и ничего не замечает. Как – будто, она была одна и вокруг нее пустота.

Шедший рядом сослуживец объяснил мне кто прошел мимо нас. Для жителей Звездный городок был большой деревней, в которой друг от друга секретов нет.

Зная, что в деревне принято младшим здороваться со старшими, я при повторной встрече попытался поздороваться с Валентиной Ивановной. Но она не ответила ни в этот раз, ни в следующий. Больше я не здоровался. Человек сам выбирает стиль своего поведения.

Однажды я даже хотел помочь ей. Она шла видимо из гаража. Руку сильно оттягивала сетка с картошкой. Я дернулся к ней с протянутой рукой, и будто наткнулся на стену, встретив ее взгляд. Меня вроде заметили, но явно как что-то неприятное и мешающее нормальному движению. В моей помощи не нуждались. Я замер, а Валентина Ивановна, гордая и недоступная, проследовала дальше.

Значительно позже, когда я занялся журналистской деятельностью, я уже сам специально искал встречи с Валентиной Ивановной, но попытки оканчивались плачевно.

Личная встреча с Гагариной у меня была одна – в январе 1979 года.

Это произошло в библиотеке дома космонавтов в Звездном городке. Нас познакомила Татьяна Филипповна Беляева.

– Валя. Это Лесников. Соавтор Павла Ивановича по книге о Юре. Он хотел бы тебя кое о чем спросить.

– И что же именно? – Валентина Ивановна смотрела не на меня, а на Татьяну Филипповну спокойно, но с явным неудовольствием. И я постарался побыстрее разрядить напряженную ситуацию.

– Валентина Ивановна, я коротко. Это относительно рукописи, которую вам передали.

– Я же сказала Паше, что она мне не нравится. Что еще? – теперь Валентина Ивановна смотрела на меня.

– Рукопись переделана. Ее смотрели представители комиссии в ТАСС, из аппарата Шаталова, многие в Центре подготовки космонавтов, из тех, кто знал Юрия Алексеевича.

– Тогда зачем я вам? У меня иное мнение.

– Вот о нем хотелось бы подробнее. Ведь вы не написали письменного отзыва. Просто сказали, что не нравится стиль повествования, и все.

– Еще чего?! – ей уже явно начал надоедать этот разговор.

– Но как тогда понять, что стиль повествования не соответствует образу Юрия Алексеевича?

– Верно. Вот вы бы прочли хотя бы одно его письмо и сразу поняли бы свою ошибку.

– С удовольствием. Вы дадите мне такую возможность?

– Нет, конечно.

– Как же нам тогда устранять несоответствие?

– Это уже ваше дело, – Валентина Ивановна усмехнулась, и с какой-то долей насмешки, продолжила, – Павел Иванович ведь хорошо знал Юру. Вот пусть и постарается не допустить неточностей.

Что я мог тогда ей сказать? Что год назад в большом литературном сборнике «Наш Гагарин» Валентина Ивановна опубликовала очерк «108 минут и вся жизнь» о муже, но никаких личных писем, хот как-то характеризующих Гагарина, она не приводила.

Может быть, эти письма не сохранились в наличии? Ведь нигде в своих книгах Юрий Алексеевич не пишет о письмах и дневниках. Может быть, остались только воспоминания? Тогда действительно предъявлять нечего. Остается только говорить общие слова без фактов и примеров. Вот только зачем столько загадочности и строгой принципиальности?

Наверное, Валентина Ивановна помнила, знала, что и как описывал Юрий Алексеевич, жила воспоминаниями о тех чувствах, которые переживала, читая его редкие письма. А они действительно были редкими и обычными, так как надолго они не расставались. Практически только в период, когда Гагарин ездил на медицинский отбор в Москву.

Валентина Ивановна вспоминает в очерке, что писал он тогда раз в неделю. А это значит, что было 4–5 писем. И вряд ли можно было бы вспомнить, что-то особенно характерное

для Гагарина, в этих письмах. Вот и пишет Валентина Ивановна в своем очерке, что писал Юра о дочке, о воспитании дочки, о том, что надо бы ему купить. Но сам текст письма не приводит. Это были обычные семейные письма. Еще раз подтверждающие, что в тот период Юрий Гагарин был как все – равным среди равных.

Через год Валентина Ивановна издала уже книгу «108 минут и вся жизнь» в литературной записи М. Ф. Реброва. Но это было повторение все того же очерка с добавлением большого количества фотографий и воспоминаний других людей о Гагарине. И чуть-чуть было добавлено из возможных личных записей Юрия Гагарина по годам и событиям.

Именно возможных, так как из этих записей слишком явно вылезал стиль, слова и мысли самого Реброва, а не Гагарина. Мне даже стало немного обидно от столь большого разочарования. Я действительно ждал от Валентины Ивановны чего-то личного, раскрывающего перед нами совсем другого Гагарина. А получилась интерпретация Реброва на тему «Гагарин-семья-Родина-будем помнить навеки».

Ко времени разговора с Валентиной Ивановной журналистского опыта и напора у меня было мало и я смог только попросить.

– Может быть, вы позволите более подробно побеседовать с вами о Юрии Алексеевиче в будущем?

Но Валентин Ивановна прервала меня.

– Это совсем ни к чему! – она посмотрела на часы. И тут мне показалось, что я знаю причины несговорчивости Валентины Ивановны.

– Вы собираетесь сам писать книгу о Юрии Алексеевиче?

– Пока не собираюсь.

– Валентина Ивановна, как же нам быть? – я уже шел к своей цели прямо, – Без вашей помощи ошибки естественны. И, повторюсь, многие считают, что мы свою задачу выполнили.

– Но я так не считаю! Это вам понятно!?

– Но, Валентина Ивановна, – договорить мне она не дала.

– Я считаю, что книгу писал человек, абсолютно не знающий Юрия. Не понимающий ни его мыслей, ни поступков!

– Вы же сами сказали, что Павел Иванович хорошо знал Юрия Алексеевича.

– А, может быть, он даже не читал этой самой вашей рукописи? Сейчас модно иметь таких соавторов. Подписывают не глядя. Лишь бы... – она повернулась, чтобы уйти, но остановилась, – Ну хорошо. Пусть Паша принесет мне вшу переработанную рукопись. Я сама с ним поговорю. – И ушла не оглядываясь.

У меня создалось ощущение, что Валентина Ивановна, вообще, ни с кем не желает поддерживать какие бы то ни было отношения, что она обижена на всех и особенно на членов первого отряда космонавтов.

Павел Романович Попович, мой соавтор по предполагаемой книге, так и не сказал мне ничего о личной встрече с Валентиной Ивановной. Я даже сомневаюсь в том, состоялась ли эта встреча. Сам он только отшучивался, когда я пытался прояснить у него этот вопрос.

Через несколько лет я написал пьесу о первом отряде космонавтов. И снова попросил Татьяну Филипповну Беляеву посодействовать нашей встрече. Она сама прочла пьесу. Хорошо о ней отозвалась, но предупредила.

– Я попробую поговорить с Валею, но она, по – моему, даже читать не будет. А если вдруг и прочтет, то все – равно не согласится с написанным. Она верит только Реброву.

Встреча действительно так и не состоялась.

О Юрии Гагарине написано и рассказано много. Написала о нем и его мать, и его жена. Обе они любили Юрия Алексеевича. Но видимо по разному.

Мне не раз, как и миллионам наших соотечественников, представлялось, как эти женщины сидят, обнявшись, и вспоминают Юру.

Сколько раз в дни космических праздников смотрел я телевизионное изображение и надеялся, что вот сегодня точно увижу их вместе. Но нет. Телекамеру не обманешь. Момент общения этих женщин телеоператоры никогда бы не пропустили. Но не было общения. Вот и в последний раз я видел их вместе на общественном мероприятии-открытии памятника Ю. А Гагарину в Москве. Они обе были на трибуне, но на разных ее концах. И разъезжались не попрощавшись. Операторы все время держали их в кадре. Что или кого они не поделили? А у миллионов телезрителей так и остался вопрос без ответа.

Судьба семьи Юрия Гагарина интересует всех. Хотим мы этого или нет, но всегда первым вопросом, когда люди узнают о твоей принадлежности к Звездному городку, бывает.

– А как себя чувствует Валентина Ивановна? Как ее дети? Не уехала ли она из городка? Чем сейчас занимается?

И эти вопросы, судя по тому, как они задаются с болью и волнением, не плод простого любопытства, а искренний интерес людей к судьбе семьи Юрия Гагарина.

И всегда бывает радостно отвечать,

– Все хорошо в семье Гагариных. Все так, как хотел бы, вероятно, и сам Юрий Гагарин.

Трудно давать оценку своим детям. Но семье Гагариных давали оценку все, кто жил рядом с ними. Ведь семья Гагариных была все время на виду у всех. Людская молва сразу заметит и разнесет что-то негативное. О таких людях в первую очередь. Ведь от зорких глаз сограждан трудно спрятаться. И, хотели бы этого или нет Гагарины, окружающие их, люди помимо своей воли сравнивали их с Юрием Гагариным – достойны ли? Какими вырастут? Тревога в глазах, ожидание, и надежда.

Это мешало, и... помогало в повседневной жизни. А в некоторых случаях было и сдерживающим, даже мобилизующим фактором в поступках и воспитании характера.

Нужно признать, что дети некоторых космонавтов плохо вели себя в школе, противопоставляя себя другим, подчеркивая своим поведением, что они дети космонавтов. И родители, тем или иным способом, пусть и невольно, такое поведение поощряли.

А вот дочери Юрия Гагарина никогда не позволяли себе подчеркивать свое особое положение. Они были как все. Просто они сами по себе были лучше многих и тем невольно отличались. Но ни в коем случае не зазнайством, не выпячиванием своей фамилии. Валентина Ивановна в корне пресекала малейшую такую попытку, не забывая в тоже время напоминая дочерям, какую фамилию они носят и к чему она их обязывает.

Когда пришло время старшей дочери Юрия Алексеевича Лене вступать в пионеры, то этот ритуал в школе решили провести в музее Юрия Алексеевича Гагарина. Он располагается в нашем доме космонавтов. В тот момент, когда Лене повязали пионерский галстук, она непроизвольно, по порыву детской души, сдерживая слезы, положила у бюста отца свой октябрятский значок, прошептав отцу слова не то клятвы, не то отчета о том, что не уронит чести его имени. Ведь для нее это была самая настоящая встреча с отцом.

Может быть, это и выглядело со стороны подчеркиванием своей принадлежности к фамилии Гагарина, о чем предупреждала мама, но детский порыв оказался выше умных рассуждений. Она поклонилась отцу. А вслед за ней и все дети сложили свои значки перед Юрием Алексеевичем Гагариным.

А в остальном Лена и Галя были такими же детьми, как и все.

Казалось бы, дочерям Юрия Гагарина прямой путь в космонавтику, продолжать дело отца. Но Валентина Ивановна дала им самим прав выбирать свой путь. И они выбрали. Обе закончили институт. Младшая Галя кандидат экономических наук, преподает в Академии имени Плеханова. Старшая Лена Генеральный директор Государственного музея «Московский кремль».

Обе замужем. Имеют детей. А дело отца... Кто знает. Придет новое понимание, новый интерес и, может быть, где-то пересекутся интересы новых специалистов Лены и Гали Гагариных, а может быть внуков или внучек, с космонавтикой вплотную. И кто-то из них навсегда посвятит себя космосу. Но нет, не пошли внуки космонавта по стопам знаменитого деда.

Зато сыновья космонавтов Романенко и Волкова уже в отряде космонавтов. Даже слетали в космос.

Завершая рассказ о семье Юрия Гагарина, хочу высказать и еще несколько мыслей о его жене Валентине Ивановне.

Для понимания Валентины Ивановны нужно хорошо разобраться в нескольких фактах их совместной семейной жизни.

И здесь без понимания астрологии не обойтись. Валентина Ивановна по гороскопу Дева, Юрий Алексеевич – Рыба. В их семье именно Валентина Ивановна была командир и направляющая сила. Она определяла, что правильно, как надо и как не надо. Она решала сразу и без вариантов, без авторитетов. Она все знала точно и все понимала.

До полета все жены знали, к чему готовятся их мужья, и она знала, но особого значения это для нее не имело. У нее было двое малолетних детей. Из-за большой загруженности мужа на занятиях и тренировках, она его видела мало. Семейными делами он тоже занимался мало. И уже это раздражало Валентину Ивановну.

Когда у нее тяжело заболел отец, Валентина Ивановна требовала, чтобы Юра на несколько дней прервал подготовку и съездил к ее отцу. Что это означало для Юры, для нее было не столь важно. Ну не будет в лидерах, ну выведут из первой шестерки. Наверстает. Зато ее отец сможет поговорить с Юрой, которого он считал своим сыном.

Не смог Юрий Гагарин выкроить время для встречи с тестем.

Конечно, во время самого полета и некоторое время после него, Валентина Ивановна испытывала сильнейший стресс. Но это достаточно быстро прошло.

Во всем Мире, в Советском Союзе, в отряде космонавтов, для всех людей появился на свет ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН, со всеми вытекающими обстоятельствами.

Для всех! Но только не для жены. В семье Гагариных ничего не изменилось. Смены командира, моральных или иных приоритетов и ценностей не произошло. Для нее он остался прежним – Юрой, которого по прежнему надо держать в ежовых рукавицах, так как он ничего в жизни не понимает, которого так легко обмануть любому встречному. А в новых условиях эти его качества еще больше обострились. Значить, тем более он требует помощи со стороны жены. Кто ж ему поможет кроме жены. Особенно в открывшемся море соблазнов.

Во всем мире Гагарина видели улыбающимся, а дома он был усталым и не всегда в хорошем расположении духа. Жена видела его по утрам заспанным, небритым и в трусах.

Где то там, во внешнем мире, королевы и принцессы с трепетом дотрагивались до руки Гагарина, а дома жена его была недовольна тем, что он в неподобающем месте бросил потные носки, которые портят свежую атмосферу в доме.

К тому же, в первые два-три года после полета Гагарин дома бывал реже, чем даже в период подготовки к полету. Поездки за границу и по стране, встречи с трудящимися и капиталистами, различные общественные мероприятия следовали одно за другим.

Иногда в поездки с Юрием Алексеевичем отправлялась и Валентина Ивановна, но не любила она публичности. При первой же возможности отказывалась от таких мероприятий.

Можно даже сказать, что в этот период она не очень гордилась своим мужем, не давала интервью. Жила замкнуто. Даже с женами других космонавтов не очень контактировала.

Мама Юрия Гагарина после его смерти много рассказывала о своем сыне. Даже написала книгу о нем. А Валентина Ивановна молчала. И только в восьмидесятых годах, благодаря настойчивости и помощи журналиста Михаила Реброва была издана ее книга воспоминаний.

Не знаю. Но может быть именно эта ее позиция и привела к тому, что в 21 веке дочери Юрия Гагарина запатентовали его имя как товарный знак. Самому Юрию Алексеевичу это вряд ли бы понравилось.

Разошелся со своей знаменитой женой Мариной и Павел Попович. И тоже только после того, как они вырастили своих дочек, дали им возможность получить высшее образование и выдали их замуж.

Вообще разводы в семьях космонавтов и астронавтов это бич у нас, у американцев, и у французов.

Были разводы и в семьях наших космонавтов последующих наборов. Причин много. Но главное это:

– Слишком велика собственная самооценка.

– Слишком велик «груз» на плечах, требующий определенных норм поведения.

Нужно признать, что в шестидесятые, семидесятые и даже восьмидесятые годы семьи космонавтов держались на страхе возможного отчисления из отряда по причине развода.

Первый космонавт независимой Украины Леонид Каденюк тоже был отчислен из отряда космонавтов России в связи с разводом. Но ему повезло. Он смог отобраться в украинский отряд космонавтов и слетать в космос на американском космическом корабле.

Прошли процедуру развода известные космонавты Гречко, Джанибеков, Рюмин.

Рюмин после развода смог даже отправить в космос свою новую жену Елену Кондакову, а затем и сам слетал в космос на американском космическом корабле. И здоровье, и занимаемая должность позволили ему выполнить свои желания.

7. Как развивался, и что такое сейчас Звездный городок? Доступ в Звездный городок сейчас свободный, и, если нет, то с чем это связано?

Место, где должен был располагаться центр подготовки космонавтов со служебной и жилой территориями, было выбрано весной 1960 года.

Здесь, посреди леса, располагался военный полигон-стрельбище, которое предполагалось расширить. Работы на полигоне выполняла воинская часть. Там уже было построено два здания для штабных работников и несколько бараков. Лесной массив на большой территории был расчищен. Неподалеку проходила железная дорога, по которой курсировали электрички между Москвой и поселком Монино.

Выбранная территория располагалась в нескольких километрах от гарнизона и аэродрома Чкаловский, которые носили открытое наименование Зеленый городок.

По этой же аналогии Зеленым городком называли и будущий Звездный городок.

Первоначально первый отряд космонавтов располагался на центральном аэродроме имени М.В. Фрунзе в Москве. И только в Июле 1960 года переехал в гарнизон Чкаловский.

Семьи космонавтов получили квартиры, а космонавты и специалисты на автобусах ездили на занятия в свой родной Зеленый городок. Из двух зданий одно было приспособлено для штаба, и во втором проходили первые занятия космонавтов.

Городок поделили на две части – служебную и жилую. Теоретически. Проектирование объектов и строительство началось со служебной территории и уже в 1961 году были сданы в эксплуатацию учебный корпус и профилакторий.

Темпы строительства служебной территории не снижались и в последующие годы, и в этом большая заслуга заместителя начальника Центра Е. Черкасова. Начальником строительства был В. Седов.

Однако, только к осени 1963 года строители приступили к проектированию и строительству жилой зоны городка и первый жилой дом был представлен жильцам только к сентябрю 1964 года.

Первая электричка на платформе Циолковская возле Звездного городка остановилась в 1966 году.

Где-то в это время и Зеленый городок окончательно превратился в Звездный городок. Начальник Центра подготовки космонавтов, он же командир воинской части, он же начальник гарнизона осуществлял на территории городка всю административную и воинскую власть.

Ныне это гражданское закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО) Звездный городок со своей администрацией и своим депутатским советом. С 2009 года.

Свободный доступ в Звездный городок сейчас, как и ранее, ограничен, исходя из интересов безопасности.

Первым начальником Центра подготовки космонавтов в Зеленом (Звездном) городке был назначен Евгений Анатольевич Карпов.

Назначение обосновывалось тем, что он очень хорошо знал личный состав космонавтов, так как лично руководил процессом отбора кандидатов в первый отряд. К тому же он был в штате ГЦНИИА КМ (Государственный Центральный научно-исследовательский институт авиационной и космической медицины). Вполне естественно, что он отстаивал интересы своего института.

В тоже время генерал Н. П. Каманин отвечал за подготовку и осуществление пилотируемого космического полета. Его должность в Главном штабе ВВС значилась как «Помощник Главкома ВВС по космосу». Весьма расплывчато, хотя и характерно для того времени. Ведь никто не представлял в полной мере во что выльется вся эта затея с полетом человека в космос.

Сами конструкторы ракет носителей и космических кораблей имели свое видение использования человека для полета в космос. Они сами хотели летать, и не хотели упускать свою ведущую роль в данном направлении.

Эта тройственная борьба за влияние велась тогда, и продолжается по сей день.

Уже после первых полетов все участники борьбы поняли все плюсы руководства программой пилотируемых космических полетов. Поняло это и Руководство Страны и руководители ЦК КПСС.

Уже в июне 1962 году Центр подготовки космонавтов переподчинили Главкому ВВС. А в январе 1963 года и полковник Карпов Е. А. вернулся в свой родной институт. Его сменил дважды Герой Советского Союза, генерал Одинцов М.П.

Через шесть месяцев Одинцова вытеснили с должности сами космонавты, которые уже почувствовали свою силу, и хотели сами править в своей вотчине, без варягов.

Но руководство ВВС не сдавалось. Начальником Центра стал новый генерал, Герой Советского Союза Кузнецов Н.Ф., который уже «в рот космонавтам заглядывал», чтобы не дай бог кого-нибудь из них обидеть. И снова за это же и поплатился в конечном итоге.

И далее начальниками Центра подготовки космонавтов становились только космонавты. В 1972 году Г. Т. Береговой. В 1987 году В. А. Шаталов. В 1991 году П. И. Климук. В 2003 году В.В.Циблиев. В 2009 году впервые начальником стал гражданский космонавт С.К. Крикалев.

И еще. Нужно признать, что до сих пор журналисты, артисты, писатели олицетворяют Центр подготовки космонавтов только с отрядом космонавтов.

Приезжают на встречи – обращаются к космонавтам, приезжают с концертами – выступают для них. А в зале то в лучшем случае один-два космонавта, специально командированных для участия в этом мероприятии. Да и то не всегда. Даже будущих космонавтов в зале частенько не бывает. Но... Звездный городок, а значит только космонавты и никак не иначе. А ведь в городке космонавтов всего несколько десятков, в то время как специалистов несколько тысяч.

Если в период первых космических полетов все в Центре подготовки космонавтов знали друг друга в лицо, то теперь даже в одной какой-то организационной структуре не все знают друг друга.

И космонавты всех знать не могут. Да и их не все знают. Даже летавших иногда не узнают.

В центре подготовки космонавтов не раз поднимался вопрос об увековечивании памяти не только о космонавтах, но и тех, кто готовил их к полету.

А ведь многих из них уже не в живых. Так неужели только через сто и более лет начнут расшифровывать имена этих людей, как чрезвычайно засекреченных разведчиков? И только тогда, может быть, назовут в их честь аллею, дом или улицу в Звездном городке. А может быть даже и таблички с информацией повесят.

Сейчас в Звездном городке есть дом космонавтов, есть аллея космонавтов, есть музей космонавтики с кабинетом Ю.А. Гагарина. Сохраняется и лелеется только все, что так или иначе касается личности космонавтов. Об остальных имеются лишь редкие упоминания, да кое-где сохраняются разрозненные сведения, благодаря стараниям отдельных энтузиастов. Но и эти энтузиасты не вечны. Не помогут, если к ним обратятся за помощью через те же сто лет.

История есть история. Факт есть факт. Зачем же их отбрасывать, чтобы потом искать в отбросах полусгнившей макулатуры, искать безнадежно потерянное.

8. Престижно ли работать в Центре подготовки космонавтов? Как вообще люди попадают туда работать?

Во всяком случае, в 20-ом веке это была престижная работа. Знакомые и незнакомые люди, узнав где я работаю, сразу начинали задавать множество вопросов. И повышенное внимание ко мне было приятно. Я ощущал гордость за свою профессию и место работы.

Но интерес этот был кратковременным, а вот ответственность за свою работу была постоянной.

И все же, пожалуй, больше гордились нами и беспокоились о нас наши родственники, близкие, друзья детства и юности. Узнав о том, что кто-то из нас работает в Звездном городке, Они верили в то, что благодаря нам, сами становятся чуть ближе к космосу. И их переживания были иногда сильнее наших во время осуществления любого космического полета. Все хотели быть сопричастными к великим свершениям.

Общее количество людей причастных к осуществлению советской программы пилотируемых космических полетов никто никогда не считал. Но только в штате Центра подготовки космонавтов служило и работало больше половины участников Великой Отечественной войны или их родственников. У многих на фронте погибли близкие и дальние родственники, отцы и матери, дедушки и бабушки, братья и сестры.

И все они тайно надеялись, что их представитель может быть тоже окажется на орбите. Не была исключением и моя мама – Лесникова Матрена Васильевна. Гражданка Союза Советских Социалистических Республик, из крестьян, по профессии уборщица, которую по нынешним временам назвали бы технический работник.

Она была добрая женщина. И она была гордая женщина. Она всегда с волнением смотрела и слушала репортажи о полетах космических кораблей. И она все время ждала, что во время какого-нибудь рассказа о космонавтах назовут и имя ее сына. Ведь я проходил службу в самом Центре подготовки космонавтов, который находился в Звездном городке.

В один из дней 1972 года должен был состояться очередной старт космического корабля. Она знала, будет новый репортаж о космонавтах. И следовательно появиться очередная возможность для нее услышать знакомую фамилию.

Ещё с вечера, забравшись в угол дивана, и поджав под себя ноги, мама, хотя и была одета в теплый байковый халат, укрылась еще пледом, и ни за что не хотела покидать своего убежища. Она никому не позволяла выключить телевизор, и только дочь Валя, под угрозой возможного пожара, смогла уговорить ее дать возможность поостыть технике несколько часов в ночное время. Но сама мама не спала.

Никто в квартире не спал в эту ночь, и Валя, войдя рано утром в гостиную, увидела маму в той же неизменной позе.

– Холодно, – пожаловалась мама. – Прибавила бы тепла.

– Лето на дворе, мама, – укоризненно и мягко посмотрела на нее Валя.

– Разве? – мама поежилась, и набросила на свои плечи пуховый платок – мой подарок из его первой официальной офицерской зарплаты.

Ей было всего 65 лет, но выглядела она сейчас гораздо старше и немощней из-за огромного числа морщин на дряблом лице, и еще больше из-за чувства неуверенности и самого настоящего страха, которые владели ею вот уже вторые сутки.

Подошла дочка, прижалась к старческой щеке, но выдержала, не заплакала.

– Ничего, мама. Все будет хорошо.

– Холодно вот, – снова жалобно произнесла мама, и без паузы добавила. – Ведь вчера он обещал весточку подать. И даже не позвонил.

– Погода, наверное, плохая, – скупой улыбнулась невестка, и, обрадовавшись невольной возможности сделать что-то конкретное, предложила. – Мы сейчас электрокамин включим.

– Холодно. Знобит. – Мама блуждающим отрешенным взглядом, наверное, в тысячный раз осмотрела комнату, будто пытаясь найти причину своей зябкости, и снова увидела только портрет мужа на стене. Глаза ее затуманились, но слез не было. В выражении её лица сейчас отчетливо можно было прочесть и радость, и печаль, и гордость, и неуверенность. И было в нем еще желание вспомнить все....

Говорят, что о событиях в возрасте трех-четырёх лет человек не может помнить. Не хочу сказать, что я был исключением из правил, но некоторые события этого возраста запомнились мне на всю жизнь. Возможно, что они запомнились мне потому, что были связаны с большими переживаниями, большими даже для моего возраста. Так вот – я помню.

Итак. Лето 1943 года. Мне было тогда целых три года. Наша семья жила в городе Днепродзержинске Днепропетровской области. В городе хозяйничали немцы. Отца угнали на принудительные работы. Дома оставались я, мама и сестренка двумя годами старше меня. Вот в это время видно и понял я, что значит для человека голод.

Мы жили в бараке, а напротив, метрах в пятидесяти, стояло двухэтажное здание бывшей школы. Окна здания были всегда распахнуты, и оттуда неслась музыка, громкие голоса. Взрослые говорили, что это какая-то перевалочная база немецких солдат перед отправкой на фронт. Им давали передохнуть день-другой.

Детвора постарше все время кружилась поодаль от здания, посматривая на окна, в надежде на то, что кто-то выбросит кусок хлеба или другие остатки пищи, которые еще можно было бы использовать для пропитания.

Вокруг здания постоянно ходили часовые, но шустрая ребятня находила просвет и успевала добежать до заветного лакомства, прежде чем появлялись автоматчики. А неудачникам доставалось иногда не только по мягкому месту. Но детей никогда не арестовывали.

Однажды июньским утром я увязался за ребятами, которые отправились к школе. Меня не приглашали с собой, но и не прогоняли. Каждый был занят собой. Они знали, что «голодного волка ноги кормят», и им нужно было перед решительным броском к окнам разобраться в ситуации и занять выгодную позицию.

Я же стоял перед невидимой разделительной линией и с любопытством смотрел на, настезь распахнутые, окна школы. Погода была прекрасная, и изо всех окон высовывались солдаты. Кто-то играл на губной гармошке, кто-то дожевывал свой завтрак, а некоторые просто разглядывали все вокруг, и дышали свежим воздухом.

Ребятня кружилась, перемещалась с места на место, не решаясь перейти невидимую границу, но не расходилась. Всех обнадеживал тот факт, что вместо одного вокруг здания ходили уже два часовых, а это, по опыту, говорило о том, что солдаты отправятся дальше. И тогда уже можно будет спокойно поискать что-нибудь под окнами. Это уже как кому повезет.

Вдруг в одном из окон второго этажа я увидел солдата, который махал кому то рукой, приглашая подойти. Я оглянулся. Никого рядом не было. А солдат весело смеялся и приглашающе махал рукой.

– Ком... Ком... – Вот уже и другие солдаты стали кричать и махать мне руками. Я уж было сделал шаг вперед, но тут соседский мальчишка, лет десяти, положил мне руку на плечо и отрицательно покачал головой. И я вспомнил рассказы ребят. Такое уже бывало, и на головы рискнувших подойти, под общий смех лили суп, бросали вскрытые консервы и другие остатки еды.

А немец не сердился. Он вдруг достал откуда то буханку белого хлеба и показал мне.

Против такого приза я не мог устоять, и тихо, как к удаву стал приближаться к окну. Ребята замерли, с тревогой ожидая, чем же закончится ситуация.

Я подошел и настороженно остановился под окном. Солдат не обманул и бросил буханку. Она попала мне в грудь. Я инстинктивно схватил ее обеими руками, да так и застыл на месте. Мне бы бежать, как кричали мне ребята, но я не мог сдвинуться с места. А солдаты смеялись. Жестами требовали, чтобы я тут же стал есть хлеб. А я не двигался.

Ко мне подбежал часовой, и, выхватив хлеб, грубо схватил за плечо, собираясь вышвырнуть за пределы невидимой границы. И это было самое мало, что могло ожидать меня и моих родственников.

Меня спасли солдаты. Они подняли такой гневный шум, так ругались, что часовой, махнув рукой, оставил меня в покое. Он хотел было уйти, но ему не позволили. Часовой сам поймал для меня две банки консервов и еще что-то, подсунул все под мои руки, затем развернул меня лицом к бараку, и скрылся сам за углом здания, сердито что-то бормоча. И я пошел домой.

Солдаты смеялись, кто-то запел, и вдруг почти разом все стали кричать ребятишкам, приглашая их к окнам. Кто-то бросал хлеб, кто-то сахар, другие продукты. Мальчишки (девчонок не было) подхватывали все, и разбегались кто куда. Они были опытными и знали, что часовой вернется и не один. Но охота на этот раз была для всех удачной.

Мама встретила меня на полпути к дому. Девчонки, наблюдавшие за всем издалека, уже успели сказать ей, что я пошел к окнам. Она не стала меня ругать. Молча взяла продукты, прижала меня к себе, погладила по голове и тихо прошептала.

– Спасибо, сынок. Теперь мы сможем протянуть самое трудно время. – И я почувствовал на своих волосах теплую каплю ее слез. Это была горькая цена того, что в три года я впервые стал кормильцем семьи. Никогда мне не забыть и ее выражения лица в тот момент, в котором смешались горечь и стыд, жалость и одобрение.

Я не помню, фотографировал ли нас кто-то из солдат в тот момент. Это потом, взрослым, я читал в книгах, видел фильмах о подобных пропагандистских приемах со стороны фашистов. Но ведь и в хрониках майских дней 1945 года советские солдаты в поверженном Берлине спасали многих голодных стариков и детей. И я знаю, что наши солдаты поступали искренне, честно, в порыве душевной доброты. Но тогда получается, что я должен поверить и в то, что немецкие солдаты, помогая детям, тоже поступали честно. И это будет справедливо. Не верю я лишь в то, что подачки всегда принимались с благодарностью. Унижение и благодарность никогда не могут быть рядом. Они рожают ненависть.

И еще. Откуда мне было знать, что эти дядьки, дарящие хлеб, и есть те самые немцы, что они самые настоящие фашисты, и что их нужно бояться. видимо и немцы были не все одинаковыми, как и наши солдаты, и у многих из них тоже были дети. Да и поумнели они, говорят, к лету 1943 года.

Из времен оккупации помню еще и время отступления немцев. Правда, тот факт, что это было освобождение города от фашистов, мне был неведом. Мне об этом рассказали значительно позже. А то время я помню как интересное приключение. Мама вдруг заметалась по комнате, одела сестру и меня, отвела к двери, и хотела возвратиться, чтобы что-то взять. И вдруг раздался грохот, и угол комнаты, в котором мы только что были, осел. Свой или чужой это был снаряд или неизвестно, но похоронить нас он мог. Мама схватила нас за руки, и мы побежали в убежище во дворе, которое соорудили совместно жители барака.

Народу было много. Сидели в убежище мы долго. Стемнело. Я долго терпел, но потом все же сказал маме, что хочу по маленькому. Мама вывела меня из укрытия, а я и забыл, зачем вышел. Так там было интересно. Огромные звезды в небе. Совсем недалеко пылают огромные пожары, а вокруг что-то дзинькает. Позже я узнал, что немцы при отступлении

взорвали заводы, и они горели, а я любовался этой картинкой. А дзинькали вокруг пули и осколки.

Любоваться необычайными эффектами пришлось недолго. Мама быстро пригнула меня к земле. Приседая, по канаве, мы прошли чуть-чуть в сторону. Я тут же сделал свои дела, и мы быстро вернулись в укрытие.

После освобождения города от немцев отца забрали в армию рядовым солдатом, и почти сразу он попал на фронт, так как до войны успел отслужить срочную службу в армии.

У меня есть фотография отца, но я его не помню. Осталось лишь одно воспоминание. В один из дней лета 1944 года мы с сестрой в чем-то провинились, и, чтобы избежать наказания, спрятались под кровать. Мама долго выгоняла нас оттуда веником, но потом оставила в покое. Но вылезать из – под кровати мы не торопились.

Вдруг мы услышали, как открылась дверь, и потом мама закричала. Затем показались сапоги, и кто-то вытащил нас. Оказалось, что это был отец. Мы были прощены, и наравне со взрослыми сели за стол.

Отец подарил мне солдатские ложку и вилку, которые складывались вместе. И на долгие годы этот подарок был единственным воспоминанием об отце.

25 апреля 1945 года отец погиб на фронте – в Восточной Пруссии. С тех пор и засело в памяти, что именно эта война стала причиной страданий моей мамы, гибели отца и моего сиротства. И именно тогда, пяти лет отроду, я впервые убежал из дома бить немчуру проклятую, выродков фашистских. Я не понимал того что война закончилась, и не представлял куда мне надо ехать. Но я был уверен в том, что мне надо что-то делать. И я принял решение. Естественно, что никакой подготовки к побегу не было. Меня сняли с пригородного поезда на ближайшей остановке. Может быть я и уехал бы дальше, но соседская детвора в очередной раз быстро сообщила маме о моем поступке. Первая попытка оказалась неудачной.

Дальнейшие воспоминания относятся уже к послевоенному времени.

Долгожданная победа над фашизмом все же пришла. Но сытнее от этого не стало. К тому же, в семье появилась младшая сестренка, как результат кратковременного визита отца.

Мама предпринимала все, что могла, чтобы прокормить нас.

Однажды она ушла и не возвращалась больше суток....

Это было в мае 1945 года. Третий день веселился и гулял народ, а мама думала об одном – как же ей накормить своих детей. Так ничего определенного и не решив, она возвратилась домой после дневной работы уборщицей в цехе крупного химического завода, устало огляделась. Обстановка ее комнаты в этом прогнившем деревянном бараке была настолько убогой, что даже годовалая Светланка спала на ворохе тряпья, уложенного на половине железной солдатской кровати. А ей, вместе с пятилетним Василием и восьмилетней Валентиной, оставалась лежанка большой русской печи.

– А к нам тетя приходила! – мама обеспокоено повернулась к дергавшей ее за подол Вале, взяла сложенное треугольником солдатское письмо, Адрес был написан рукой мужа, и мама успокоилась. Она присела поближе к окну на единственную в комнате табуретку, и стала медленно водить пальцем по крупным неразборчивым строчкам. Вслух она произносила то, что могла разобрать с первого раза. Занятие это было для нее трудным, так как и она сама, и ее муж проучились в сельской школе всего год с небольшим. Поэтому они не столько понимали каракули друг друга, сколько чувствовали то, что хотел высказать каждый в своем послании. Вот и в этом коротком письме мама сразу уловила горечь и какую-то тоску. Настроение мужа заставило маму всплакнуть, и дальше уже читала письмо с неослабевающим чувством тревоги. Муж писал: «До Победы осталась малость, и уж потом заживем мы так, как никогда не жили. У нас только и разговоров об этом времени. Ты, главное, береги деток. Сынка не балуй. Мужик он. Хозяином будет. А мы поспешим. Доколотим заразу...».

Письмо осталось недописанным. Видимо закончился привал, и муж решил не ждать следующей оказии, отправил, подписав снизу: «25 апреля 1945 года». Мог ли он думать, что всего лишь через неделю наступит для него эта самая Победа? Теперь получить бы от него еще одно письмо, узнать – жив ли?

– Мама? – Мать подняла голову. Рядом стояла Валя. В коротеньком, застиранном до дыр, платьице, босоногая, с поцарапанными руками и в рыжих веснушках по всему лицу, дочь выглядела настоящей Золушкой. От жалости на глазах у мамы вновь выступили слезы. – Я давала Светланке сладкую воду, но она не хочет, – Валя выжидающе смотрела на маму.

– Хорош, доченька, я сейчас, – мама привлекла Валю к себе, ласково погладила по голове, улыбнулась. – Ты у меня добрая помощница. – А руки мамы сами собой снова потянулись к письму.

Уже в третий раз мама читала: «Одoleвает меня мука от того, что ничем не могу вам помочь. Но ты уж потерпи. Немного осталось. Многодетных будут отпускать в первую очередь. А будет не в моготу, об одном прошу – иди к людям! Они помогут!»

А разве она сама этого не понимает? Только с помощью соседей она смогла вскопать огород, посадить картошку и кукурузу. На работе иногда, правда очень редко, дают дополнительно немного продуктов. Через 2–3 недели обещали для сына и Светланки места в саду и яслях. На днях обещали дать материи и, может быть, какую-нибудь обувь для детей. Вале ведь осенью надо будет идти в школу.

«Иди к людям». Мама снова с благодарностью вспомнила соседей, сослуживцев. Без них она бы не смогла этой весной сохранить семью. Целый месяц она тогда лежала в больнице со Светланкой, и все это время старшие дети были под присмотром соседей и работниц с электроподстанции, где она сама работала уборщицей. Сам начальник в первый же день пришел к ней в больницу и сказал.

– Твое дело выходить дочь. Детей фронтовика мы в обиду не дадим.

Мама снова задумалась и в мечтах своих незаметно забежала на несколько лет вперед, представляя, как хорошо будет в то время жить. Уйдут горести и печали. Забудут люди о голоде и нужде. Она твердо верила в то, что будет именно так, потому что не могло быть иначе в ее стране. И перемены к лучшему начнутся, судя по всему, очень скоро. Ведь сколько рабочих рук появится после окончания войны! Сколько денег, идущих раньше на разрушение, можно будет пустить на улучшение жизни людей и особенно для того, чтобы поднять на ноги, отошавших за столько лет недоедания, детей. Теперь не будет» Все для фронта!». Что-то возвратится и домой к людям. А главное – больше получают дети. Она твердо знала – ее родное государство не допустит, чтобы ее дети умерли с голоду. Но она знала и другое. Сразу, одним мигом, все эти проблемы не решить. И потому мучительно думала над тем, как бы продержаться ее семье именно в эти голодные, весенние дни.

Притихшая было Валя вновь зашевелилась, и мама, оторвавшись наконец от своих дум, теперь уже спокойным взглядом обвела комнату, прикидывая, какие самые неотложные дела надо сделать, прежде чем отправиться на поиски дополнительной работы, или хотя бы собрать немного молодого щавеля на суп.

Вынести помойное ведро, залить в бачок чистой воды, затопить печь, и поставить на конфорку закопченный чайник, было делом пятнадцати минут. Дети молча наблюдали за приготовлениями. Знали – мама торопиться уйти, чтобы принести им, что-нибудь поесть.

Перед уходом мама снова огляделась, будто запоминая и детей, и, своими руками кое-как восстановленную после бомбежки, стену, и окно, наполовину забитое досками, и лампочку под потолком – предмет гордости и свидетельство принадлежности к миру уважаемых людей.

– Ну, вот и все, Валюша, – мама вынула из-под кровати потрепанную хозяйственную сумку, достала оттуда сверток, передала дочери. – Здесь сахарин в двух пакетиках. Послед-

ний. Когда вода подогреется, разбавишь в двух бутылках для Светланки. В кастрюльке немного щей осталось. Не экономьте. Щавеля теперь много будет. А этот пучок щавеля при желании можете пожевать. Я еще принесу. – Мама подумала и, вынув из сумки, отдала дочери кусочек хлеба. – Это на крайний случай. Будь умницей, а я постараюсь быстро вернуться.

Валя слушала серьезно, стараясь не пропустить ни одного слова. Мама подбросила в печь последние, принесенные с улицы, кусочки угля, хотела еще что-то сказать, но передумала. Быстро поцеловала, весело играющего с соской, сына, чуть приласкалась к дочкам, и быстро вышла на улицу.

Повезло маме сразу. Она даже не успела решить, куда ей на этот раз идти, как возле парка неожиданно услышала.

– Хорошая! Не торопись. Никак работу ищешь? – Мама обернулась на голос. Прямо на траве, под забором, сидела молодая, лет двадцати пяти, цыганка с девочкой не старше 12 лет. Она видимо только что закончила есть, так как аккуратно собирала в бумажку остатки пицци. Рядом лежало несколько объемистых мешков. Мама остановилась.

Цыганка оценивающе смотрела на стоящую перед ней женщину, решая – можно ли будет использовать ее в предстоящем деле. Молодая. Похоже, что не старше тридцати лет. Одета бедно, но аккуратно. Лицо исхудавшее, но все же красивое. А главное – глаза. В них уловила цыганка то, что давно хотела увидеть, пропустив мимо себя уже многих людей, икавших возможность подзаработать.

Всего мгновение смотрела цыганка на женщину, и довольная отвела свой пристальный взгляд, чтобы не смущать ее. Глаза женщины смотрели спокойно, внимательно и с тайной надеждой на что-то хорошее. Такая не обманет, да и жаловаться никуда не побежит. Цыганка улыбнулась своим мыслям, произнесла будто утверждая.

– Детей много.

– Трое, – Мама пыталась улыбнуться, однако улыбка получилась жалкая, и она, почувствовав это, погасила ее.

– Есть нечего, конечно. – Мама промолчала, потом неожиданно выпрямилась, готовая сказать что-то резкое, сердитое, но цыганка опередила ее. – Вижу. Нашей, гордой породы девка. Мешков у меня много. Поможешь донести?

– Далеко ли идти? – Мама пыталась выиграть время, не зная, на что решиться. Собирая содержимое в свои мешки, цыганка врала многим доверчивым людям. Могла обмануть и сейчас. А у нее дома дети.

Цыганка поднялась с земли и, не отвечая прямо на поставленный вопрос, засмеялась.

– О чем говоришь? Не обижу, хорошая. Продуктов много. Дам хлеба и крупы немного, – и желая объяснить свою щедрость, добавила. – Народ гуляет, и все знать хотят, что у них будет дальше. Так что мы в цене. – Видя что женщина продолжает стоять в раздумье, она решительно приказала. – Пошли. Вот два твоих мешка и корзинка, – и тут же стала нагружать оставшиеся вещи на себя и свою помощницу.

И мама решила. Подхватила связанные мешки на правое плечо, в левую руку взяла корзинку, и бросилась за быстро идущей цыганкой. Ее просто заворожило слово «крупы». Она дала бы возможность ее детям продержаться больше недели.

Первый час шли довольно быстро, не разговаривая, и мама только удивлялась выносливости девочки, которая без хныкания несла свою часть поклажи. Потом, правда, усталость дала все же о себе знать, и они передвигались все медленнее и медленнее.

Несколько раз они останавливались на небольшой отдых, потихоньку разговорились. Мама прониклась даже некоторой симпатией к своей работодательнице.

Успокоилась она после того, как узнала, что идут они к берегу Днепра, где цыганку должна была ждать лодка. Мама неплохо знала окрестности своего города, и, прикинув вари-

анты, решила, что к полуночи вернется домой при самых неблагоприятных обстоятельствах. Это конечно поздно, но ее дети должны потерпеть. Они привычные. Вот только не испугались бы темноты.

Уже к вечеру, изрядно поплутав по лесу, они вышли к Днепру. Мама не знала этого мест, и с тревогой подумала о том, как трудно будет ей добираться домой. Она сложила мешки у лодки, вопросительно посмотрела на цыганку.

– Не страшно будет в лесу одной? – будто угадала та мысли Мама. Всего несколько часов пробыли они вместе, но цыганке почему то трудно было сделать свой очередной, заранее обдуманый, шаг. Эта гордая мужественная женщина заслуживала лучшей участи. Но ведь и ее ждет табор, куда она должна донести все, что успела собрать. Попутчиков больше не будет. Жалость может обойтись ей слишком дорого. И цыганка с наигранной веселостью продолжила. – Вдруг заблудишься. Мне на том берегу всего два часа пути до табора осталось. И сразу назад. Лодочник обратно привезет. Привезешь, Василий? Не обидишь? – она повернула к угрюмо стоящему возле лодки бородатому мужику. Тот пожал плечами, но ничего не ответил. И маме стало страшно. Она отрицательно покачала головой.

– Как хочешь. Расчет будет на той стороне, – цыганка подхватила последний мешок и прыгнула в лодку.

– А как же... Ты же обещала! – Мама в порыве отчаяния встала перед цыганкой на колени. – Пощади! Ведь у меня....

– Всех не пожалеешь.

– Да зачем я тебе? Вон мужик здоровый Лучше меня поможет.

– В том то и дело, – усмехнулась цыганка. – Одной страшновато с ним. – Она погасила улыбку, и будто отрезала. – Поедешь со мной. Продуктами не обижу.

– Дети, – еле слышно прошептала Мать. – Одни дома!

– У меня тоже, – посуровела цыганка – Я неделю как ушла из табора. Выбирай.

Но выбора у мамы уже не оставалось. Молча забралась она в лодку, посмотрев со страхом на мужика, и моля только о том, чтобы дети ничего не натворили, дождались ее возвращения.

После ухода мамы Валя привычно стала командовать в комнате. Не по детски хмурая, она была упряма и, хотя и не могла многого понять, давно и твердо усвоила, что все маминны указания надо выполнять хорошо. Не отступила от своего правила она и в этот вечер. Дважды покормила братика сладкой водой, доела с сестрой остатки щей, поиграла с ней тряпичной куклой в тетю и доктора, затем в дочки-матери.

Сестричка, привыкший к скудной пище, уснула во время, а Валя с братиком, забравшись на теплую лежанку печи, с тревогой всматривались в темное ночное небо.

Было страшно. Ведь никогда мама не возвращалась так поздно. Звуки за окном, шорохи мышей под полом и даже необычная тишина рождали в детских головках фантастические, страшные картины. И только ровное дыхание младшего брата немного успокаивало, да еще надежда на то, что мама все же придет во-время, и спасет их от любой беды.

Всю ночь просидели они на печи, обнявшись, иногда всхлипывая, и постоянно дрожа, то ли от холода, то ли от страха.

И только утром Светланка своим требовательным криком заставила Валю вспомнить о том, что она осталась старшей в доме, напомнил о голоде и заставил сестру с братом слезть на пол.

Лодочник, выгрузив имущество и пассажирок, развел костерок, и пропал где-то вместе с лодкой.

Цыганка, выгрузив свое имущество тут же заявила.

– В такой темноте мы потеряем дорогу. Лучше переждать.

Достав из мешка большой платок, она укрыла им себя и свою помощницу, да так и просидела всю ночь у костра не вставая, с закрытыми глазами. Однако несколько раз мама ловила на себе ее пристальный изучающий взгляд.

Сама мама спать не могла. Ее все время одолевали мысли одна страшнее другой, и он все время укоряла себя за доверчивость. Ей казалось, что она забыла закрыть заслонку печи, и дети задохнутся от угарного газа. То вдруг до четкости ясно представляла, как в комнате вспыхнул пожар или злые люди мучают ее детей.

Она очень хотела прервать этот поток кошмаров, но это оказалось не в ее силах, и она смирилась. Только иногда мама вдруг застывала в недвижимости, крепко встряхивала головой, и вновь сама мчалась в черную чашу за хворостом, в призрачной надежде, что это хоть как то сократит самую длинную ночь в ее жизни.

Чуть забрезжил рассвет, как мама уже стояла перед цыганкой в ожидании расчета, но та снова не торопилась. Погладила мешок, на котором сидела, произнесла.

– Может быть, все же договоримся? – Она подняла вверх улыбающееся лицо, и замерла пораженная. Перед ней стояла седая старая женщина. Цыганка, сама мать, больше недели не видевшая сына, не смола повторить свое предложение. Но и отказаться от него, тоже было выше ее сил. Одна она мешки бы не донесла. Оставалось молча с жалостью и страхом ожидать ответа.

Мама, пережившая страшную ночь, сжала кулаки, потянулась к обидчице, готовая в ярости броситься на нее, чтобы забрать заработанное, но, встретив посуровевши и спокойный взгляд цыганки, сникла. Мама поняла, что не совладать ей с пышущей здоровьем молодой. Да и не смогла бы она поднять руку на человека, даже в отчаянной попытке спасти свою жизнь. Мама заплакала, и в бессилии опустилась на землю.

Цыганка подошла, присела перед мамой на корточки.

– Не плачь, хорошая. Вижу. По глазам вижу, что готова была убить меня. Только ведь пользы это тебе не принесет. Вот, возьми, – она вложила в руки растерянной мамы кусок сала, буханку хлеба и пакет какой то крупы. – Это твое. Можешь возвращаться, – она помолчала и все же произнесла. – Но если пойдешь со мной, дам еще столько же, – улыбнулась. – Другой бабе не дала бы.

Мама продолжала молча сидеть, сквозь слезы рассматривая неожиданно щедрые дары. Могла ли она думать о такой цене за свою услугу? Она подняла голову и увидела, что цыганка, еле передвигая ноги под тяжестью мешков, удаляется, а девочка неподвижно стоит возле нее, голыми глазами рассматривая хлеб.

Инстинктивно мама обхватила руками продукты, потом быстро впихнула их в сумку, и бросилась догонять цыганку. Ради такой удачи ее дети смогут, просто обязаны, продержаться еще полдня. На больший срок она не задержится. Да и назад с одной сумкой бежать будет легче. Теперь уже ничто не сможет задержать ее в пути. Разве что собственная смерть. Но на нее она не имела права.

Пробежав несколько метров, мама остановилась, посмотрела на девочку, и волна жалости к своим родным детям вновь нестерпимой болью обожгла сердце. Ей даже послышался предостерегающий возглас Вали: «Не отдавай, мама! Это ведь теперь наш хлеб!».

Мама опустила, ставшую вдруг свинцовой, руку в сумку, отломил кусочек хлеба, и медленно повернувшись к девочке, протянула ей.

Девочка отрицательно покачала головой, но потом, решившись, быстро схватила хлеб, и крепко зажала его в своем маленьком кулачке.

Слезы закапали у мамы из глаз, и, чтобы совсем не раскиснуть, она резко отвернулась. Обе они не заметили, что, обернувшись в этот момент, цыганка, видел всю эту сцену.

К табору добрались только после полудня. Вернее даже не к табору, а к его близким подступам, так как очертания кибиток смутно угадывались где-то далеко впереди. Цыганка тронула маму за плечо.

– Дальше тебе идти не надо. Меня встретят, – она развязала мешок, и вновь молча положила в руки, устало осевшей на землю мамы, обещанные продукты. Уходя добавила. – Ты плохо поступила с моей помощницей. По нашим законам так нельзя.

Уже отойдя метров десять, цыганка опустила свои мешки на землю, что-то достала в одном из них, и быстро вернулась.

– Возьми, – она протянула пакет. – Гречка это. Твои дети должны быть счастливыми. – И дальше она уже шла не оглядываясь.

Для Вали самое плохое началось с утра. Светланка проснулась мокрой, и ее пришлось вытаскивать из пеленок, переодевать в сухое. Удалось это только с помощью младшего братика. Однако прошло совсем немного времени, и сестренка, тихо покакав, разбросала слабо завернутые пеленки, и измазала все, что только можно было измазать. Валя и плакала, и шлепала ее, обмывая чистой, хоть и холодной, водой. Ни пеленок, ни тряпок чистых больше у нее не было.

Очень устала Валя, кормя сестренку, но зато оставшуюся для нее бутылку сладкой воды, она сумела растянуть на целый день. Правда, для этого пришлось и петь, и стишки читать, и прыгать перед ней на кровати, и даже упрашивать не кричать. И только когда уже ничего не помогало, Валя давала ей несколько глотков воды через соску. Она замолкала. Валя снова забирала бутылку. И снова все повторялось.

Сама Валя с Васей понемногу жевали кисловатый щавель, запивая его водой, но запасы и этой пищи быстро таяли. Есть очень хотелось. Однако Валя не извлекала драгоценный кусочек хлеба из заветного угла. Ведь мама сказала, что это на крайний случай. А они могли еще терпеть.

Наступил второй вечер, но мамы все еще не было. Давно кончилась сладкая вода. Не осталось ни листочка щавеля. Мокрая Светланка, которую не во что было переодеть, плакала беспрерывно, а старшим детям невыносимо хотелось есть, и еще больше хотелось спать. И тогда Валя решилась. Достала кусочек хлеба, судорожно сглотнула от желания побыстрее запихнуть его себе в рот, завернула в тряпочку, посмотрела на брата и совсем по взрослому, как мама, пояснила.

– Она маленькая. Ей расти надо. – Брат кивнул головой, и вдруг вскочил на ноги, быстро забрался на печь, и затих там на некоторое время. Слезал он оттуда медленно, и как то нерешительно, с усилием и не сразу разжал, протянутую к сестре, ладошку, на которой лежал маленький кусочек сахара.

– Хорошо – одобрила Валя. Она вынула хлеб из тряпицы, завернула в нее сахар, и стала неумело бить по ней, лежавшим до того у порога, молотком.

К счастью сахар оказался не очень жестким, и бить долго не пришлось. Теперь уже уверенно, Валя добавила к сахару хлеб и оглянулась. Брат внимательно и обреченно смотрел на нее, забившись в угол комнаты. Он ждал чуда, признавал авторитет старшинства сестры, сам отдал сахар, но все же надеялся, что вот сейчас Валя позовет его, и они вместе съедят этот сахар. Или хотя бы попробуют.

Валя нахмурилась, и быстро сунула тряпицу в остатки воды в бачке, а затем в рот кричащей сестренке. Та поперхнулась криком, крепко ухватила тряпицу деснами, а почувствовав сладковатую влагу, стала быстро жевать набивную соску. Если бы Валя не держала тряпицу руками, она бы, наверное, быстро проглотила ее.

– Глупышка, – мягко, как мама, счастливо засмеялась Валя. – Нельзя все сразу.

Она аккуратно забрала тряпицу у Светланки, развернула ее, и молча протянула оставшуюся кашу братику. Тот облизнулся, но руки не протянул.

– Глупышка, – повторила Валя. Она разделила поровну остатки кашицы. Одну половинку отправила себе в рот, вторую вновь протянула братику. На этот раз он взял кашицу и быстро, как кошка, забрался на печь.

Светланка снова плакала. В ведре уже совсем не было питьевой воды, и снова погас свет. Сидеть на печи было холодно, и Валя, стащив все тряпье на пол, собрала его возле кровати. Ни она, ни брат уже не боялись темноты. Только очень-очень хотелось есть и спать. А Светланка, похоже, и думала останавливаться в своем крике.

– Глупая, – поднялась к ней Валя. – Ведь и тебе легче будет, если заснешь. – Она посмотрела на сестру и сама удивилась простоте решения, которое вдруг пришло ей в голову. Не раздумывая больше, она быстро вынула из-под головки брата подушку, и быстро положила ее на кричащий рот. Звук крика уменьшился, и Валя засмеялась. – Я же говорила тебе. Спи.

Она уселась рядом с сестрой и еще некоторое время слушала затихающие звуки из-под подушки.

– Уснула, – удовлетворенно подумала Валя. Она хотела встать, посмотреть на сестренку, но сил уже не было. Она спала.

Уже стемнело, когда мама вновь вышла к Днепру. Она заметалась по берегу в поисках переправы, не страшась в эти минуты ни темноты, ни возможного ограбления. С каждой минутой, с каждой секундой она все острее и острее чувствовал, что пройдет еще немного времени, и детям могут не понадобится ее дары.

В темноте мама споткнулась о какое то бревно, радостно вскрикнула, и больше уже не раздумывала. Она сбросила с себя одежду, крепко привязала к себе сумку, и, толкая впереди себя бревно, решительно вошла в холодную майскую воду.

Она не помнила сколько времени она плыла. Несколько раз ей отчаянно хотелось бросить бревно, и прекратить борьбу с этой жесткой неподатливой водой. Казалось нет уже силы, которая могла бы заставить ее пошевелить рукой или ногой. Но снова перед глазами вставали дети, и она снова и снова продолжала упорно плыть к противоположному берегу.

Когда густая тьма стала рассеиваться, мама с радостью увидела, что берег совсем близко. В последнем отчаянном усилии она добралась до берега, проползла несколько метров, и буквально свалилась на теплую землю. Все вокруг кружилось, менялось, сверкало с все увеличивающейся скоростью. Мама закрыла глаза, но это не помогло, хотя монотонная музыка вращений была приятной. Хотелось спать, спать, спать.

Вдруг сердце мамы тревожно сжалось. Сначала тихо, потом громче детский голос жалостливо позвал: «Мама! Мама! Нам страшно!» И мама поднялась. Медленно, еле переставляя ноги, волоча за собой сумку, она почти ползла с закрытыми глазами, и поначалу даже не в сторону родного дома.

Грязная, мокрая, одинокая женщина бездумно, но упорно продирающаяся сквозь заросли, была похожа на помешанную. Однако с каждым шагом ее взгляд становился осмысленней, суровой, злее. Она уже миновала лес, почти интуитивно выбирая правильную дорогу, пробежала по полю более километра, и только когда поняла, что находится в знакомом месте, на несколько секунд остановилась. И то, только потому, что заметила, что бежит без верхней одежды. Впервые подобие легкой улыбки появилось на уставшем лице мамы. Быстро натянув на себя кофту с юбкой, она помчалась дальше, и только на знакомом крыльце остановилась, пытаясь отдышаться.

Дети спали. Вася распластавшись на полу, а Валя сидя, опершись на спинку кровати, и поджав под себя ноги.

Мама счастливо засмеялась, и вдруг увидела на кровати подушку. Светланки не было видно. Жалкая улыбка маской застыла на лице мамы. Ноги ее подкосились, и, если бы в отчаянном порыве она не бросилась к кровати, то наверняка упала бы. Отбросив подушку,

она увидела в полумраке, казалось бы не живое, лицо младшей дочери, и в ужасе закричала, не решаясь к нему дотронуться.

– Мама! – радостно произнес кто-то рядом. Мама повернула голову. Дети обрадованно тянулись к ней, и она вдруг до мелочей поняла, как ужасающе просто в этой комнате всего несколько часов назад произошла трагедия.

Взгляд мамы упал на ремень, и она, схватив его, скорее от бессилия, чем от желания наказать виновных, несколько раз ударила детей, с болью и стоном повторяя.

– Поганки! Ах, поганки! Что же вы наделали?!

Но вдруг в крик мамы и плачь детей вплелся новый звук. Сначала тихо, затем все громче и громче заплакала Светлана.

Бросив ремень, мама схватила дочь на руки, да так, обессиленная, и села возле кровати на пол, не в состоянии сдержать слез радости. Дети, всхлипывая, подоברались к ней с двух сторон, крепко ухватились за подол.

В дверь тихо постучали, и в комнату вошла почтальон. Уточнила.

– Лесникова Матрена Васильевна? – Мать молча кивнула головой.

Почтальон также молча протянула треугольный конверт, опустила голову, и, не задерживаясь, быстро вышла.

Мать не плакала. Она даже не стала читать адрес. Поведение почтальона сказало ей все лучше всяких слов....

Новое испытание не заставило себя долго ждать. Через шесть месяцев Светлана заболела и вскоре умерла в больнице. Врачи не смогли ее спасти.

Я тоже рос слабым и хилым от постоянного недоедания. Да. Мама получала на нас с сестрой пенсию, сама работала уборщицей, но этого было мало даже для нормального пропитания.

Нас спасал огород, на котором мы с сестрой трудились с раннего детства. Но к весне 1947 года и огород не помог. Вернее он был, но до очередного урожая нужно было еще дожидаться. Мама была вынуждена отдать меня с сестрой в детский дом.

Мы пробыли там недолго. Одно лето. Но никогда не забуду, как меня встретили обитатели детского дома. Существовала традиция пошутить над новоприбывшими. Подшутили и надо мной. Каким-то образом меня уговорили открыть рот и высыпали туда горсть горького красного перца. Смеялись все. И смеялись долго.

Науку «не раскрывай рот и не лови ворон» я запомнил быстро. Много дней прошло, но в голове у меня все время была одна мысль – надо вернуться домой. Пусть я буду голодным, раздетым, но с мамой будет легче. Это мысль становилась все крепче, и в какой-то момент я решил бежать из детского дома. Я ведь просто думал, что у нас насильно забрали нашу маму.

По взрослым меркам детский дом был недалеко от моего родного барака. Несколько километров это ведь не расстояние даже для семилетнего пацана. Но точной дороги домой я не знал. Знал, что нужно пройти через городской парк, перейти железную дорогу. А дальше места для меня уже были знакомые.

Попытка побега была совершена, но успеха не имела. Я прошел через парк, как через лес, но у железнодорожного переезда меня уже ждали.

Было обидно, но зато я уже разведаль, ранее неизвестную мне, дорогу.

Во вторую попытку побега со мной пошла и сестра. Когда мы добрались домой, мама только пришла с огорода с первым урожаем кукурузы.

Плакали мы все долго. Но, когда за нами пришли из детского дома, мама нас не отдала: «Кукурузы много уродило. Как-нибудь прокормимся». И прокормились. Кукурузная мамалыга помогла.

К этому же периоду относится и другое серьезное воспоминание. Мы – дети, знали о том, что всем вокруг живется очень тяжело. Украина голодала, умирали люди, а по улицам

нашего города каждый день шествовали колонны немецких военнопленных из расположенного неподалеку лагеря. Мы знали одно – нам плохо, а их кормят и одевают. За что? И многим из нас хотелось хотя бы поиздеваться над военнопленными, подразнить их. И именно мы, малыши, были среди заводил самыми смелыми и нахальными. Мы не ведали что такое опасность или сострадание. Почти у всех нас не было отцов, и наша озлобленность была вполне понятной. Мы выкрикивали ругательные слова, и на первых порах даже пытались плюнуть в колонну военнопленных. Немногочисленные солдаты конвоя лениво отгоняли нас, хотя мы и сами старались не подходить очень близко к немцам. Так нас воспитывали, и мы еще помнили унижения времен оккупации.

Мы не разделяли военнопленных на хороших и плохих людей. Для нас они были все Фрицы – так презрительно окрестили тогда всех немцев, воевавших против нас. Может быть, среди них был и тот, кто бросил мне когда-то хлеб. Вполне возможно. Но об этом тогда не думалось. Единственное желание было у всех просто поесть. И это желание уже становилось привычным и потому особенно опасным.

Сейчас я не удивляюсь, а в тот период очень странным казалось мне, что только некоторые военнопленные откликались на наши насмешки. Может быть поэтому нас надолго не хватало. Уже через сто-двести метров мы отставали, а через некоторое время и вовсе прекратили это занятие. Стало не интересно. Да и настоящей злости, как, впрочем, и сострадания, мы не ведали.

Когда пришла пора идти в школу, мне повезло. Классный руководитель Галина Андреевна была прекрасным учителем и добрейшим человеком.

В эти годы я отчетливо помню заботу, которую проявляли люди к таким как я. Война многих ожесточила, но и сделала более человечными. Родительский комитет в школе собирал на праздники деньги для подарков детям из детдома. Получал подарки и я с сестрой.

Не забывали помогать маме и на ее работе. Мы с сестрой каждое лето ездили бесплатно отдыхать в пионерлагерь. Помогали одеждой и обувью.

Только сейчас, став взрослым, имея свою семью, я понимаю, как трудно было маме. Мы помогали ей как могли. На мне, например, была обязанность пасти нашу козу. Я даже зарабатывал, приглядывая и за соседскими козами и коровами.

Именно в это время я и пристрастился читать книжки и стал заниматься спортом. Вернее физкультурой. Ведь козопас я был не один. Играли и соревновались мы друг с другом много. И информацией делились, новыми знаниями. Так что это была очень хорошая школа самообразования и развития.

Конечно, как и все дети того времени, мы играли в войну. После войны долго сохранялись разрушенные здания, которые превращались нами в неприступные крепости. И часто после атак таких крепостей многие шли домой с пробитыми головами. Ведь защитники и нападающие дрались всерьез, а камни были надежным оружием.

Много серьезных драк было и за сферы влияния между домами, улицами, даже районами. Между нашей азотно-туковой площадкой (завод такой был рядом) и соседней улицей пролегал балка. В этой балке был чудесный вишневый сад. Несколько лет он был ничейным. И за него дрались. Я помню, как старшие посылали нас малышей в сад, а сами прятались где-нибудь у дороги. Мы шли в сад. Противники видели, что с нами можно справиться и устраивали за нами погоню. Мы убегали, и все мы думали о том, как бы добежать до места засады. И когда добежали, то тут старшие ребята устраивали обратный кросс для нападавших. Правда бывало, что и не добежали некоторые. Тогда доставалось и нам.

Вероятно, с педагогической точки зрения и не рекомендуется вспоминать.

Подобные поступки. Но что делать, если все это было на самом деле.

Кроме набегов на сады были набеги и на кинотеатры. С большим трудом мы собирали копейки, чтобы купить билет одному из нас – самому смелому. Он заходил в зрительный зал,

и его задачей было открыт определенную дверь в период просмотра киножурнала. Затем мы все разом вваливались в зрительный зал. Иногда фильм прекращали показывать. Кое-кого выводили, но другие оставались.

По-моему, вся наша детвора, проживающая в районе кинотеатра, была на учете в милиции. Все наши проделки были изучены, и попадать в зрительный зал становилось с каждым разом труднее и труднее. На вылазки мы решались уже только в случае показа очень хорошего фильма.

Однажды ребята нашли лазейку в кинотеатр через чердак. Пролететь в найденную щель мог только такой маленький пацан, как я.

По разработанному плану я пробрался на чердак, проник в комнату художника. И все. На выходе из комнаты на сцену меня и повязали. Толи кто-то проболтался о нашем плане, толи работники театра хорошо изучили нас, но план не сработал. Меня отправили в милицию, куда вскоре пришла и мама.

Раньше нас просто отпускали. Но на этот раз художник заявил, что у него что-то пропало. А это уже была кража с проникновением. Но обошлось и на этот раз. Правда, больше никто из ребят подобным образом в этот кинотеатр не проникал.

Сам я с друзьями облюбовал для знакомства с искусством другой клуб. В нем не показывали кино, но зато ставили различные театральные спектакли, устраивали различные концерты и соревнования спортсменов на сцене.

Проникали в зал мы кто как мог. Через форточки в туалете, через окна гримерок. А когда не получалось попасть в зал, использовали для просмотра старую кинобудку. Киноаппараты из нее убрали давно, но окошки остались. Через них можно было увидеть все, что происходило на сцене. Вот только почти ничего не было слышно. Этот наш наблюдательный пункт существовал долго. Но, в конце концов, окошки тоже закрыли.

Ну и, конечно же, как все мальчишки мы очень любили играть в футбол.

Барак, в котором я жил, стоял рядом со стеной забора стадиона местного завода. Днем стадион был в нашем мальчишеском распоряжении, а вечером, когда проходили официальные матчи взрослых или тренировки команд, нас выгоняли со стадиона. Иногда удавалось остаться и тогда мы смотрели игры взрослых. А если не получалось затеряться в толпе болельщиков, то мы смотрели игры и тренировки с крыш своих сараев, а то забирались и на крышу барака.

Значительно позже, когда детский спорт стал более организованней, мы перестали играть дом на дом, улица на улицу, а организовали районную команду. Наша команда даже выигрывала на городских соревнованиях. Я же был вечно запасным из-за своего маленького роста. Мог выиграть разве что из-за своей юркости, но никак не в силовых единоборствах.

Можно вспомнить много случаев из школьной жизни. Здесь были и совместные походы, были помощь и взаимопомощь. Но главной вехой в моем становлении мировоззрения был седьмой класс. В этот год я по-настоящему понял, что такое ответственность, самостоятельность, борьба за принципы.

В этот год я был принят в члены ВЛКСМ и окончил седьмой класс в новой неполной средней школе № 29. Мы были ее первым выпускниками. Меня избрали председателем совета пионерской дружины школы. Мы организовывали и первую комсомольскую организацию в школе. Мне не довелось быть первым комсомольцем школы, но до сих пор помню, с каким волнением мы готовились к этому шагу.

Когда пришла пора и мне вступать в члены ВЛКСМ, меня рекомендовали пионерская дружина и директор школы Надежда Степановна Шабала. Ох и строгая это была женщина. Ее боялись, но странным образом, никто на нее не обижался.

Седьмой класс запомнился мне и еще двумя учительницами.

Галина Исаковна Шкода. Наш классный руководитель, преподаватель украинского языка и литературы. Добрейшей души человек. Сколько ей попадало за наши проделки, а она только укоризненно качала головой, и говорила: «Нушо ж вы зо мной робите?». Мы любили ее, хотя и пользовались ее добротой.

Александра Артемьевна Копылова. Преподаватель математики. Сколько она поставила мне троек на контрольных работах! Только за то, что я все решал быстро и правильно, но оформлял работы крайне неряшливо и неаккуратно. Кляксы и корявый почерк я в то время считал чем-то не очень существенным. Правда, на итоговые четвертные оценки такая строгость не влияла. Седьмой класс я закончил с похвальной грамотой. И научился я за этот год очень и очень многому....

Веселая музыка, передаваемая по телевизору, прекратилась, и на экране появилось улыбающееся лицо диктора. Мама замерла в ожидании, и только сейчас увидела, что рядом стоят Валя, невестка. Удивляться она, однако, не стала.

– Передаем сообщение ТАСС, – торжественным голосом объявил диктор. В Советском Союзе выведен на орбиту новый космический корабль. Экипаж в составе: командир экипажа летчик-космонавт СССР Попович Павел Романович, бортинженер летчик – космонавт СССР Артюхин Юрий Петрович...

– С хорошим началом, сын, – тихо прошептала мама. Слезы радости, тревоги и облегчения помимо ее воли закапали из ее глаз. Черты её лица разгладились, и она сразу стала помолодевшей, бодрой. Повернувшись к собравшимся, мама пыталась найти какие то слова, которые смогли бы выразить всю степень ее счастья и гордости, но не смогла. Она лишь улыбнулась, и вновь повернулась к экрану телевизора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.